

Дом в Лондоне

Автор:

Кир Булычев

Дом в Лондоне

Кир Булычев

Река Хронос #9

«Дом в Лондоне» – роман замечательного русского писателя Кира Булычева, продолжающий серию психологически-интеллектуальных детективов писателя о сыщике-по-неволе Лидии Берестовой. На этот раз Лидочке предстоит полная таинственных загадок и убийственных страстей поездка в Англию. Но жизнь в старинном доме, где ей предложат остановиться, не будет спокойной... Лидочка снова впутается в загадочную историю с убийством и, чтобы выйти к ее финалу, сыщику-поневоле придется пройти через смертельный лабиринт человеческих страстей.

Кир Булычев

Дом в Лондоне, или Прах бездомных

Но есть еще одно желанье!

Боюсь сказать! – душа дрожит!

Что, если я со дня изгнания

Совсем на родине забыт?

.....

О, если так: своей метелью,

Казбек, засыпь меня скорей

И прах бездомный по ущелью

Без сожаления развей.

М.Ю. Лермонтов

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Зал Шереметьевского аэропорта, в котором шла посадка на несколько рейсов сразу, напоминал палубу парохода «Титаник» в последние минуты перед гибелью. Потoki пассажиров устремились на палубу, где люди с погонами ядовито-зеленого цвета стерегли подходы к спасительным трапам.

Время еще осталось. Марксина Ильинична задерживалась. Андрей, не выносивший скопления народа, украдкой поглядывал на часы. Конечно, идеальная жена не заметит такого взгляда, но Лидочка не удержалась и спросила, куда он торопится. По ее словам можно судить, насколько она была раздражена и взвинчена почти бессонной ночью и стечением неприятных обстоятельств, которые словно сговорились, чтобы не пустить Лидочку в Англию. Она готова уже была им подчиниться, но стечение других обстоятельств толкало ее в эту поездку. Ни один из вариантов Лидочку не радовал. Андрей об этом знал, и не следовало ему украдкой глядеть на часы. Посмотрел бы открыто.

Так Лидочка ему и сказала.

К счастью, Андрей сохранил чувство юмора и сказал:

– Мышка у нас некормленный.

Кота Мышку забыли накормить, потому что опаздывали, вернее, казалось, что опоздают. Это происходило от уверенности Лидочки, что машина не заведется, а на площади Белорусского вокзала будет пробка, хотя непонятно, кому придет в голову устраивать пробку у Белорусского вокзала в семь утра.

– Сейчас я тебя освобожу, – сообщила Лидочка мужу.

– Спасибо, – беззлобно ответил Андрей.

– О чем ты думаешь? – спросила Лидочка.

– Я думаю о том, что приехал Миклош.

Лидочка чуть было не произнесла самоубийственное словосочетание: «Опять пьянка!», но сдержалась. А Андрей догадался, что она хотела сказать, и рассмеялся.

Миклош был их общим приятелем, археологом из Будапешта, полагавшим, что в гостях обязан вести себя, как венгр за границей. То есть неумеренно буйствовать и неумеренно шиковать.

– Вы Лидия Кирилловна? – спросила женщина лет шестидесяти из тех блюдущих себя дам, которых неприлично называть старухами. Такие женщины всю жизнь торопятся, чтобы утром успеть в бассейн, вечером к внукам. А по воскресеньям полоть морковь и вскапывать грядки. Именно такие женщины занимают самые пристойные места в консерватории или на премьере у Захарова. Детей же они в свое время взрастили на жалованье младшего научного сотрудника и нередко без отцов.

– Марксина Ильинична?

– Я решила добраться на автобусе, – сказала Марксина Ильинична. – Сумка у меня не тяжелая. Все рассчитала, а поезд в метро встал в туннеле. И стоял двадцать две минуты. Я думала, что сойду с ума.

Лицо у Марксины Ильиничны было относительно гладким, ухоженным, волосы покрашены удачно, глаза чуть подведены. Никогда, никогда, никогда

англичанин не будет рабом...

- Ты что? - недоуменно спросил Андрей. Значит, она заговорила вслух. Это опасно и стыдно.

- Это Киплинг. А может быть, я ошиблась, - ответила Лидочка.

- Вот эту сумку вы отдадите Славе, - сказала Марксина Ильинична. - А этот пакет, поменьше, для Иришки. Вот здесь письма, пожалуйста, не потеряйте. Тут и от меня, и от Аллы.

Лидочка уже знала, что Алла - жена Славы, сына Марксины Ильиничны, живущего в Англии. Слава и Алла расстались давно, несколько лет назад, но у них есть общая дочь по имени Иришка. У Аллы сложная личная жизнь, поэтому Иришка, как и бывает с детьми, одинокие матери которых специализируются на сложной жизни, жила с бабушкой. А на каникулы уехала к папе. Все ясно и очень современно. Кстати, Алла через месяц собирается в Лондон. Тоже погостить.

Конечно же, Марксине Ильиничне не меньше шестидесяти - уже к середине тридцатых годов детей перестали называть идиотскими кличками в честь вождей пролетариата и достижений народного хозяйства.

Андрей запихнул сумку Марксины Ильиничны в чемодан жены. Марксина тем временем описывала Лидочке содержимое свертков и пакетов на случай, если таможенник спросит об этом. И тогда нужно будет ответить, где лежит буханка черного хлеба, куда спрятана икра и босоножки Иришки, без которых она не может жить. А вот здесь последние газеты и журналы. Слава порой так тоскует без наших сплетен и недоразумений. У нас в бассейне есть одна женщина, ее муж заведует отделом в «Огоньке»...

Под журчание речи Лидочка смотрела, как толпа подростков с рюкзаками штурмовала таможенный коридор, хотя никто и не собирался досматривать их добро. Ребята вели себя шумно и бесцеремонно. Можно было подумать, что поездки за границу - их основное жизненное занятие.

За минуту до расставания Марксина Ильинична вдруг забыла, что она - дама средних лет, и по-бабушкиному стала торопиться, вспоминать что-то важное и несказанное.

– Есть же телефон, – вмешался Андрей, который не выносил расставаний, даже ненадолго. В жизни у них с Лидочкой случилось слишком много расставаний и даже расставаний навсегда, куда больше, чем у нормальных людей.

– Какой телефон! – почему-то возмутилась Марксина Ильинична. – Вы не представляете, сколько стоит каждая минута.

Лидочка подняла свою сумку, как бы давая знак к началу движения. Андрей тут же подхватил чемодан. Чемодан был на двух колесиках, но те вечно отказывались крутиться как следует.

Новая группа туристов надвигалась сзади. Может быть, они спешили не на лондонский, а на франкфуртский самолет, но таможенных проходов на всех не хватало. Так что в результате Лидочка убежала, не простившись толком с Андреем и бросив провожающих на полуслове.

Пока их было видно в щель, на которую претендовало немало провожающих, Лидочка махала рукой, но когда прошла пограничный контроль, оказалась уже на полпути в Англию.

* * *

Рейс был аэрофлотовский, дешевый. Лидочка думала, что самолет будет переполнен соотечественниками, на деле в нем оказалось много пустых мест. Их было столько, что в своем закутке Лидочка сидела одна. Можно было положить на соседнее пустое место сумку и газету... Счастье длилось почти до самого отлета. Потом на свободное место сел молодой мужчина и сообщил:

– У меня место в хвосте, а я дыма не выношу. Так что я к вам переселился.

Он не спросил разрешения, не извинился за вторжение. Он просто объяснил свой приход. Этого ему казалось достаточно.

Лидочка на него рассердилась. Впереди было такое же пустое место. Мог бы устроиться там. Но не будешь же жаловаться стюардессе. Стюардесса как раз проходила по рядам, проверяла, застегнуты ли ремни. Молодой человек

улыбнулся ей, как знакомой. Длинноногая стюардесса с круглым простонародным, густо накрашенным лицом показала два ровных ряда искусственных зубов.

Лидочка раскрыла «Известия», которые Андрей купил ей перед отлетом, но газета скоро ей наскучила.

Самолет принялся разъезжать по аэродрому.

Все было непонятно, неизвестно и неопределенно – состояние, которого Лидочка не выносила. Она относилась к людям упорядоченным, не склонным к приключениям и переменам в жизни. Путешествие в Англию, где она никогда не была и язык которой знала не в совершенстве, осложнялось тем, что ей следовало найти там скромное помещение для конторы и жилья, снять его, обставить и все это совершить за три недели. Желательно за две. Еще более желательно – вчера. У пана Теодора, который давно уже взял за правило распоряжаться временем и судьбой Берестовых, идеи возникали мгновенно, и исполнение их возлагалось на людей, у которых прежде были совсем иные планы.

Ладно еще – поехала в Англию, ознакомилась с жизнью трудолюбивого и свободлюбивого великобританского народа, сходила в музей, сняла контору. Одинокая женщина, свободная, как птица... Но не тут-то было! Теодор договорился, что Лидочка будет жить у Славы, Вячеслава Андреевича Кошко.

Лидочка предпочла бы пожить в гостинице. Но она разумно сознавала, что случай, подаривший ей кров в доме Вячеслава Андреевича, приведет к большой экономии для фирмы. Нормальная гостиница – полсотни фунтов в день. Марксина Ильинична, которая и утрясала проблему жилья, брала с Лидочки из расчета десятки в день, на своих, правда, харчах, так как Слава с Иришкой прирожденные холостяки, обходятся бутербродами. Но места всем хватит.

Теодор сошелся с Марксиной Ильиничной на пятистах долларах (в пределах месяца). Все были довольны и уверяли Лидочку, что русской женщине куда комфортнее и безопаснее жить в приличном доме соотечественника, чем бедовать в каком-то пятизвездочном отеле. Лидочка, разумеется, сдалась, а теперь старалась убедить себя, что по волосам не плачут.

Одним из аргументов Теодора было то, что Слава – хороший знакомый Семена Семеновича и работал раньше в Гипрокаучуке. Интеллигентный, мягкий человек, которому повезло. С кем не бывает... А его маме, Марксине Ильиничне, бывшей сослуживице Андрея, нужны деньги. «Вот и прислал бы любимой маме», – пыталась возразить Лидочка. «Зачем присылать, если она получит здесь?» – удивился пан Теодор. Впрочем, каждый помогает маме, как может.

Лидочка не выспалась и только собралась прикорнуть, как ее сосед вытащил из бокового кармана пиджака маленькую плоскую коробку. Оказались карманные шахматы.

– Играете? – осведомился он.

– Нет, не играю, – сухо ответила Лида.

Лидочка в шахматы играла и любила играть, но ей не хотелось общаться с соседом.

Нет, не потому, что он внедрился на соседнее место. Просто этот человек ей не понравился. А Лидочка привыкла себе доверять.

Сосед был миловидным мужчиной лет тридцати, если такое слово можно отнести к мужчине, вполне энергичному на вид. Он был коротко подстрижен, так что виски оказались почти голыми, а наверху, там, где глазу хотелось увидеть ежик, лежала крыша из волос. Можно было подумать, что соседа Лидочки стриг плохой сельский парикмахер, но на самом деле Лидочка догадалась, что сосед употребляет лишь дорогих куаферов, к которым, как к дамским мастерам, надо записываться по телефону. А натолкнули ее на эту мысль очки соседа. Они были в меру темными, чтобы скрывать движения и переливы глаз, но в то же время их нельзя было назвать черными. Лидочка была убеждена, что если спросить, зачем ему в самолете понадобились полутемные очки, он ответит, что это совет доктора. Доктор прописал, лечимся от переутомления. Дела, дела... Свой «дипломат» он поставил в ногах, хотя багажная полка сверху осталась пустой. Значит, берег копии договоров и счетов.

Конечно же, он бизнесмен, новый русский. Насколько новый? И пиджак ему велик на два размера, дорогой пиджак. Галстук из анекдота, помните? «Ты за сколько галстук брал?» – «В Париже – сто франков». – «Дурак, у нас за углом, на

Тверской, такой за четыреста баксов купить можно!» Алогичность жизни, наполненной неуверенностью в том, будет ли завтра богатство, квартира и «вольво», или тебя поставят к стенке. Причем неизвестно кто.

Из этого образа катастрофически выпадала коробочка с магнитными шахматами. В шахматы играют хорошие мальчики.

Получив отказ, сосед положил коробочку с шахматами на колени, снял очки и стал их протирать специально для того запасенным клочком желтой замши. Он не удержался и кинул взгляд на Лидочку, чтобы проверить, какое впечатление на нее производит его благополучие.

На две секунды она встретилась с ним глазами и успела разглядеть его лицо.

В общем, лицо незначительное, если не считать странных глаз, которые блестели, словно налитые слезами. Глаза были расставлены шире, чем положено. Так бывает у душевно больных детей. И еще Лидочка обратила внимание на то, что он носил подбритые усики, как телеграфист в комедии с историческим уклоном. Люди с такими усиками не играют в шахматы, им достаточно домино.

– А мне показалось, что вы умеете в шахматы играть, – сказал сосед.

Так как Лидочка не ответила – она смотрела, как самолет вырубивает на дорожку, замирает, как тигр перед прыжком, и ждет, скоро ли приблизится несчастная антилопа, – то сосед представился:

– Геннадий, – и даже протянул к ней руку, украшенную массивным перстнем с синим камнем.

– Лида, – сказала Лидочка. – Лидия Кирилловна.

Руку пришлось пожать, а то она вечно будет висеть над ее коленками.

– Вот мы и знакомы, – сказал Геннадий. Как будто завершил трудное и безнадежное дело. Втащил на шестой этаж пианино.

- По делу или в гости? - спросил Геннадий.

Допрос начался раньше, чем Лидочка того ожидала - Господи, сколько лететь до Лондона? Три с половиной часа! Это же подобно замужеству! Целая жизнь с нелюбимым человеком!

Самолет еще только разогнался, словно заведя впереди антилопу, но не схватил добычу, а пронесся над ней и круто пошел к облакам. Самолеты всегда круче поднимаются, чем спускаются. Видно, садясь, они уже устают и тянут из последних сил.

Лидочка закрыла глаза, отдаваясь чувству взлета. Геннадий на некоторое время отстал.

Когда погасла надпись «Пристегните привязные ремни», он сказал:

- Теперь можно отстегнуться. Вам помочь?

- Спасибо, я сама.

- Я догадался, что вы самостоятельная женщина. Но если понадобится моя помощь, я всегда рядом.

Он широко улыбнулся. По-западному, как улыбаются зубные врачи на рекламе жевательной резинки «Стиморол без сахара». Зубы у Геннадия были дорогие.

Раз уж все равно никуда от него не деться, Лидочка решила узнать, кем и где трудится такой экземпляр. Конечно, он ответит «на фирме» или в «офисе», как-нибудь обтекаемо. Но Лидочка не успела спросить. Геннадий ее обогнал.

- Будете отдыхать? - спросил он.

- Наверное, - сказала Лидочка.

- Впервые на Альбион?

– Впервые. А вы?

– Нет, не впервые. Но пока моя очередь спрашивать.

– Здесь вопросы задают без очереди, – сказала Лидочка и осталась недовольна случайной остротой.

– Подруга рванула замуж за фирму? – спросил Геннадий.

– Со мной можно говорить по-русски, – мягко ответила Лидочка. – Я знаю слова «уехала», «иностранец» и тому подобное.

– Вы меня удивляете, – сказал Геннадий. – Я и не подозревал в вас чувства юмора. А провожали муж с мамой?

– Вы так давно за мной следили?

– Я не следил, я глядел, – ответил Геннадий. – Как говорится, один скучающий турист обвел взглядом толпу, рвущуюся к самолету, и тут его взор упал на красивую женщину средних лет.

– Средних?

– Я хотел вас задеть, и я вас задел, – обрадовался сосед. – Значит, вы не равнодушны.

– К чему?

– К комплиментам, к чему же?

Геннадий был доволен собой. Лидочка уже догадывалась, что самый страшный недостаток Геннадия для окружающих заключался в том, что он был постоянно доволен собой. Лидочка подумала, что при первой возможности надо будет проверить, насколько прочна броня самоуверенности.

Самолет пошел через облака. Его начало встряхивать. Геннадий замолчал. Он не заметил того, как пальцы его вцепились в рукоятки кресла. Пальцы были крепкие, толстые, с коротко обрезанными ногтями. С тыльной стороны пальцы поросли волосиками. Геннадий ударился ногой о собственный «дипломат».

– Надо было наверх положить, – заметила Лидочка, увидев, как исказилось лицо соседа.

– Нет, – сказал тот, – я привык его в ногах ложить.

Никогда Лидочка не поправляла людей: неграмотность проистекает не столько от плохих школ, сколько от наплыва южан. Неграмотность, которая в Ставрополе или Донецке считается нормой, в Москве режет слух. Но постепенно привыкаешь не обращать внимания.

– Класть, – сказала Лидочка. Это была месть за «средние года», но Лидочка и себе бы не призналась в этом.

– Чего? – Геннадий не сразу сообразил, что Лидочка хочет сказать.

– По-русски говорят «класть», а не «ложить». Все шпионы попадают на мелочах.

– Какой я... – И тут Геннадий заставил себя улыбнуться. – Ладно, лететь нам еще три часа, будете меня учить. Добро? Я не гордый. Хоть и с высшим образованием.

– Что вы заканчивали?

Геннадий лукаво усмехнулся.

– Кулинарный техникум, – сказал он. – Чес-слово.

– Простите, – спохватилась Лидочка. Ее спасение все время было под рукой – как же она забыла?! – Простите, у меня недочитанная книжка. Очень интересная.

Она достала книжку из сумки. Ей и на самом деле хотелось дочитать новый роман Рут Ренделл. Зачем было объяснять, что книга интересная? Разве она обязана отчитываться перед этим типом? Ничего себе – женщина средних лет!

– А ведь вы красивая! – негромко сказал Геннадий, словно подслушал ее мысли.

Лидочке пришлось улыбнуться.

Некоторое время он молчал, не мешал ей читать, а сам шуршал газетой. Но «дипломат» не раскрывал. Лидочка решила, что если он на самом деле деловой человек, то обязательно откроет «дипломат». Деловым людям интересны собственные бумажки.

Лидочка увлеклась страшными событиями на пустоши за Кингсмархэмом, которые потребовали всей сообразительности инспектора Уэксфорда, и вернулась к действительности, только когда стюардесса попросила ее откинуть столик – надвигался аэрофлотовский обед.

– Интересно? – спросил сосед.

– Очень, – ответила Лидочка.

– А я никак не могу освоить, – сказал Геннадий. – Разговорный на уровне челнока, а читаю только вывески. Вот в школе ленился, а теперь расплачиваюсь.

– Теряете в зарплате?

– Нет, мне не за это платят. Чес-слово.

Он не скрывал того, что обрадовался возможности снова поговорить с Лидочкой.

– А за что вам платят?

Геннадий посмотрел на Лидочку сумасшедшими мокрыми глазами и нормальным голосом сказал:

– За убийства.

– Как?

– Я не люблю это ихнее слово «киллер», – сказал Геннадий. – Не наше, жестокое какое-то, без мысли. Вы меня понимаете?

– Нет, – сказала Лидочка. – Я вас совершенно не понимаю.

– Вы не думайте, что я какой-то там банальный убийца, – сказал Геннадий. – Я организатор. Мне лично участия принимать не надо.

– А там, – Лидочка показала на «дипломат», – пистолет, и поэтому вы его на полку ставить не хотите?

– Нет там пистолета, – ответил Геннадий. – Если мне ствол понадобится, я его в любом месте куплю. Это только в кино стволы с собой возят.

– Вы шутите? – спросила Лидочка. – Или хотите произвести впечатление на дамочку?

– Хочу произвести впечатление на дамочку, – согласился Геннадий. – Женщины любят, когда им нервы щекочут. Даже такие, как вы. Порядочные.

Последнее слово прозвучало неприлично. Будто Геннадий подсмотрел, какое на ней нижнее белье. Но не придерешься.

– Вас за это не посадят? – спросила Лидочка. Не из кокетства. Она в самом деле подумала, что Геннадий совершает с точки зрения конспирации непростительный промах.

Геннадий посмотрел на нее мокрыми глазами и тихо произнес:

– Шутка. Самая обыкновенная шутка. Чтобы произвести впечатление. А еду я за запасными частями. Для инвалидов колясок. От союза афганцев. Успокоилась?

Он пробовал почву, чтобы перейти на «ты». Этому Лидочка не хотела.

Беседа на время прервалась, потому что пришла очередь обедать, а количество маленьких упаковочек, вилок, пакетиков, блюдец требовало заботы и внимания. После разговор возобновился, но лишь гастрономический.

- Где кормят лучше всего, - заметил Геннадий, - это на сингапурской линии. Не летали?

- Не приходилось.

- Там местные приправы дают - обалденные!

Геннадий совершенно не мог все время поддерживать разговор на уровне «джентльмен беседует с дамой своего круга». Тем более что он не был уверен в том, насколько правильно повел себя, выступив убийцей-организатором, который не любит слова «киллер». На всякий случай об этом лучше было забыть - всегда полезно забывать о глупостях и оговорках случайного собеседника.

- Прилично кормят в Аргентине, - сообщил Геннадий.

Лидочка кивнула. В аэрофлотовском самолете кормили тоже прилично, по крайней мере эта пища вызвала ностальгические чувства - сколько раз она за свою жизнь ела аэрофлотовский обед!

- Один раз мне подсунули устриц. Не ели? Я не знал, начал жевать. Чес-слово! Ластик школьный. Вы где обычно отдыхаете?

- На этот раз в Лондоне, - призналась Лидочка.

- В Лондоне не отдых, - сказал Геннадий. - Как-нибудь рванем с вами на Канары. Не пробовали? Море - синева, небо - синева, гостиница пятизвездочная. В парохде берем люкс. Ну как, устраивает?

- Это рассуждение или предложение?

- Считайте, предложение. - Геннадий вроде бы шутил.

– Нельзя, – сказала Лидочка. – Я на отдыхе, а вы на работе.

– На вас мне времени не жалко.

– Не выполните задания – вас самого порешат. Или как это у вас называется? Зачем мне безутешно плакать?

Геннадий замолчал. Он сказал лишнее – независимо от того, были ли его слова шуткой, или несли в себе долю правды. Не надо было ему так себя вести. Не мальчик ведь!

Геннадий зашуршал газетой, и под это шуршание сразу после того, как стюардесса забрала подносики, Лидочка задремала.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вячеслав Кошко встречал Лидочку за барьером. Сначала она шла к нему бесконечными светлыми коридорами, за стеклянными стенками которых нежились под ярким солнцем самолеты, потом стояла в длинной, но быстро идущей очереди к пограничникам. Лидочке достался скучного вида сикх, у которого, кажется, болел живот. Больше всего он боялся, что Лидочка останется в Англии жить и работать и отнимет этим рабочее место у честных выходцев из стран Британского содружества, в том числе и у его племянницы. Дальнейшее произошло без задержек, потому что таможня Лидочкой не заинтересовалась. Она прошла закоулком зеленого коридора и оказалась в просторном, гулком и светлом зале. За легким барьером стоял Вячеслав Андреевич, которого Лидочка не знала, но которому Лидочку описала Марксина Ильинична.

При виде правильно описанной Лидочки он стал махать тонкой длинной рукой.

Почему Лидочка ожидала увидеть jovialного толстяка – уму непостижимо! Видно, Славу Кошко в детстве заставляли есть, заталкивали в него ложечки за папу и за маму, и в конце концов он выработал в себе стойкое отвращение к еде. На всю жизнь.

«Будь я его женой, – непроизвольно подумала Лидочка, – я бы придумала ему толщинки в одежду, чтобы окружающие не заподозрили, что я морю голодом такого милого человека».

Ни о каких толщинках и речи быть не могло, потому что это существо гордо носило на себе советский ископаемый костюм на два размера меньше, чем положено. Относительно чистые манжеты и длинные худые кисти рук далеко вылезали из рукавов.

Вячеслав Андреевич подхватил небольшой Лидочкин чемодан и вместо приветствия сказал:

– Вот, я тележку достал. Знаете, их расхватывают по утрам, я минут десять искал.

– Спасибо, а как вы меня узнали?

– По маминому описанию, – ответил Вячеслав Андреевич. – Я думал, что у вас будет много вещей, вот и стал искать тележку. Хорошо еще, что я приехал сюда заранее. Знаете, даже здесь, при их хваленой пунктуальности, самолеты прилетают, как захотят. Особенно это касается нашего Аэрофлота.

Геннадия Лидочка не видела с тех пор, как они поднялись, чтобы выходить из самолета. Геннадий, не прощаясь, рванулся вперед – хотел оказаться в числе первых. Не видела его Лидочка и на паспортном контроле. А вот сейчас он прошел с другим, похожим на него молодым человеком довольно далеко от нее. Их громоздкие костюмы казались униформой. К таким костюмам придаются сотовые телефоны, прически и походка.

Словно подчиняясь правилам игры, спутник Геннадия вынул из-за пазухи белый сотовый телефон и, не замедляя шагов, принялся бормотать. Его Лидочка толком не разглядела, обратила лишь внимание на то, что он прихрамывал.

– Вы меня слушаете, Лидия Кирилловна? – спросил Вячеслав Андреевич. – Мне так приятно произносить это сочетание...

Он сложил губы и повторил: «Лидия Кирилловна». Если не считать худобы, Вячеслав Андреевич ничем особенным не отличался от русского интеллигента, каким такового изображали, начиная с дореволюционных времен и кончая современными сатириками. Этот тип неистребим, хотя как раз его-то и истребляли с наибольшим рвением.

Вячеслав Андреевич был лысоват и укладывал последние серые волосы поперек узкого желтоватого черепа. Он носил шкиперскую бородку, которая не придавала его лицу ничего мужественного и морского. Ростом он был невелик, пожалуй, чуть пониже Лидочки. Вячеславу Андреевичу суждено было по гроб жизни мало зарабатывать, выносить бесконечные упреки толстой, опустившейся жены, пытаться дать образование бездельнице-дочке, отчего половина ночных и воскресных заработков должна была уходить ей на репетиторов.

Лидочка уже знала, что внешние впечатления чаще всего – правдоподобная ложь.

Мужчина, согбенную спину которого она видела перед собой (Слава толкал тележку, которая была впятеро тяжелее чемодана и сумки), обладал состоянием, солидным даже по здешним меркам. Его красавица-жена, расставшаяся с ним до того, как он разбогател, была бы рада вернуться и больше никогда не пилить мужа за бедность. А вот что касается дочери, то репетиторов Слава, видно, доставал без особого труда.

Выглядел новый знакомый Лидочки лет на сорок, может, чуть больше.

Он уверенно и целенаправленно катил тележку вниз по длинным коридорам. Лидочка торопилась за ним, сбиваясь на семенящий бег.

На крутом повороте Вячеслав Андреевич притормозил, поджидая отставшую гостью, и вдруг спросил:

– Пакеты от мамы в целости?

– Должно быть, – ответила Лидочка.

– Моя мама – чудесная женщина, – сообщил Вячеслав Андреевич.

– Да, она – милейшая женщина, – согласилась Лидочка.

– Она с вами обсудила все практические вопросы?

– Я передала ей деньги.

– Замечательно. Прелестно, – сказал Вячеслав Андреевич. – Всегда лучше начинать хорошее знакомство с ясности в отношениях.

И он снова толкнул под откос тележку.

Он Лидочке не понравился. Уже второй не понравившийся человек за одно утро. Пожалуй, это перебор.

Они въехали в подземный зал не сразу понятного назначения. Кошко оставил Лидочку с тележкой, а сам встал в очередь к кассе. Лидочка имела самое приблизительное представление о том, где живет Вячеслав Андреевич. Ей не приходилось бывать в Лондоне, так что самое лучшее в такой ситуации – не задавать вопросов.

Оказалось, они едут в город на метро. Станция была буквально под аэропортом, и Кошко разумно объяснил, что для него ехать в Хитроу на машине утром, когда весь Лондон отправляется на службу, чистой воды легкомыслие. Можно потратить часа полтора. Зато на метро от Хитроу до Виктории всего час с одной пересадкой. А как удобно! Вы только посмотрите, Лидия Кирилловна, какие здесь уютные вагоны. Я вам скажу, что в нашей дорогой Российской Федерации плюшевые сиденья в тот же день порезали бы ножами, вы согласны?

Наконец подкатил поезд. Он был ниже московского, вагоны более округлые.

Женский голос мелодично произнес: «Майнд зе гэп, плиз!»

Лидочкиного знания английского не хватило, чтобы понять, чего же просит невидимая женщина.

– О чем она? – спросила Лидочка.

Слава снисходительно улыбнулся. Приятно чувствовать лингвистическое превосходство над дикарями из России.

– Смотрите под ноги, – сказал он. – Хотя это, конечно, не точный перевод. Но смысл такой. «Гэп» – это щель, дыра, провал, ну, скажем, щель между вагонами и платформой. Видите, она здесь куда шире, чем в Москве. Вот и предупреждают: смотрите под ноги, чтобы не провалиться.

Войдя в вагон, Лидочка опустилась в мягкое плюшевое кресло. Поезд не спеша покотился, большей частью по поверхности земли, но оставаясь в глубокой траншее, так что Лидочке не удалось увидеть Лондон из окна. Почему-то ей в голову пришла глупая мысль: а как едет из аэропорта убийца Геннадий? Наверное, в черном «мерседесе». Потому что он принадлежит к компании людей, которые быстро грабят и быстро теряют деньги. А мы – средний слой, у нас каждый заработанный фунт на счету.

Вячеслав Андреевич, видно, отнес Лидочку к категории лояльных родственников, негромким голосом просвещал ее об особенностях жизни в Лондоне, которые доступны и понятны лишь своим.

– За три с половиной фунта (это, конечно, не очень дешево) вы будете покупать единый дневной билет. А так как дешевле, чем за фунт, вы здесь никуда не доедете, то представляете, какая выгода? Ведь дневной билет годится на любой вид транспорта, включая электричку. Подходишь на нашей станции к кассе и говоришь: «Дневной билет». Вы английским владеете?

– Владею.

– По-настоящему или как в анкетах у нас пишут?

– Читаю для собственного удовольствия, но в разговорном иногда теряюсь. Надо будет привыкать.

– По крайней мере честное признание. Нам скоро выходить для пересадки.

Пересадка оказалась несложной. Пришлось просто перейти на левую сторону платформы.

На этом Вячеслав Андреевич прекратил просвещать Лидочку, а переключился на допрос. Ответы Лиды его мало интересовали, но этим он выполнял неписанный долг. Перед своей совестью или перед мамой.

Он выяснил, какая в Москве погода и какой она была на прошлой неделе, поговорил о растущем уровне преступности. Оказывается, Кошко побывал дома полгода назад, но с тех пор во многом оторвался от современности, потому что мама рада бы посылать ему газеты и журналы, но сейчас почтовые расходы из Союза, простите, из России, стали фантастическими. Разве может старый человек при небольшой пенсии позволить себе такое?

Лидочка не совсем понимала, зачем старому человеку из небольшой пенсии выкраивать деньги, чтобы посылать журналы в Лондон богатому сыну.

Интерес Кошко к событиям в России распространялся также на строительство храма Христа Спасителя, цены на транспорт, забастовки шахтеров, положение в Чечне, перспективы Черномырдина на грядущих выборах, новые выходки Жириновского... Когда путешествие закончилось, Лидочка испытала глубокое облегчение.

В вопросах, да и в самом голосе Кошко слышалась некоторая заунывность, способная взбесить нервного человека. Какими бы чудесными качествами он ни обладал, в конце концов люди, наверное, начинали его избегать. Впрочем, некоторые привыкают. Ведь мы не слышим, как тикают часы...

Пока они ехали в метро, вагон оставался полупустым, вокруг не чувствовалось большого города, и потому Лидочка оказалась не готова к тому, что, поднявшись в кассовый зал вокзала Виктория, они окажутся в самом настоящем, родном вокзальном столпотворении. Правда, в этом столпотворении все старались не толкаться, никто никуда не бежал, и люди уступали друг другу дорогу. Какой-то громадный негр промчался совсем близко, но успел, коснувшись ее локтем, изобразить жемчужную улыбку и попросить прощения.

Затем они вышли в обширный высокий светлый зал вокзала, куда утыкались железнодорожные пути. Гигантское пространство немногим превышало пространство Киевского вокзала в Москве, но отличалось от него подчеркнутой чистотой, светом и слишком чистыми полами, какие вокзалам иметь не положено.

– Нам левее, – сказал Вячеслав Андреевич. – Иришка нас там ждет.

По дороге он рассказал уже, что Иришка была в музее. Она, понимаете, так любит бродить по музеям, наверное, у нее это наследственное, я тоже люблю тишину и загадочность музейных залов, поэтому она не смогла сопровождать меня в аэропорт. Но они договорились встретиться у левого табло в зале вокзала. Потом им предстоит проехать еще пятнадцать минут на электричке, поскольку никто из англичан, то есть из уважающих себя англичан, не живет собственно в Лондоне. Люди предпочитают выбираться на окраины. Но здесь, знаете, это не означает нашего Ясенева или Свиблова. Лондон – громадная деревня со всеми удобствами, все англичане живут в своих домах, а вы, наверное, читали об этом? Вот и у нас небольшой домик. Конечно, мы могли бы остаться в имении дяди Джеймса, но что мы там стали бы делать? Кормить собой привидения?

Тут Вячеслав Андреевич засмеялся – Лидочка впервые увидела его смеющимся. Губы разошлись, но не открылись, крылья носа задрожали, улыбка началась и потом скисла, видно, не было тренировки.

Кошко погладил себя по шкиперской бородке.

Он устал, раза два останавливался и ставил чемодан на пол. Лидочка сказала:

– Можно, я понесу дальше? Он не тяжелый.

Кошко сразу согласился.

– У меня остеохондроз, – пояснил он. – Болезни меня настигли очень рано. Порой так схватит, что вы и не представляете.

Они подошли к толпе, стоявшей, запрокинув головы, перед большим табло, на котором, как и положено на вокзале, периодически начинали вертеться черные планки, пока не останавливались на названии нужной станции. Некоторые из ожидавших жевали шоколадки, другие шуршали газетами. Вскоре Лидочка поняла, что жевание шоколадок и шуршание газетами – национальные черты британцев. И если вам будут говорить о других, такой информации остерегайтесь. Вернее всего, она происходит от людей романтически настроенных, лживых или от самих англичан.

Вячеслав Андреевич посмотрел, как Лидочка ставила на пол чемодан, затем вздохнул, словно совершил некий подвиг, вытащил из внутреннего кармана пиджака клетчатый платок и вытер им лоб.

И тут же разглядел в толпе свою дочь.

– А вот и она! – сообщил он.

Потом сказал громче:

– Иришка, мы здесь! Ты давно нас ждешь?

Иришка, которая стояла в десяти метрах от них, этим призывом была недовольна и своего недовольства не скрывала.

Была ли она родом в красавицу-маму или в кого еще из родни, но от отца она отличалась разительно. Если Вячеслав Андреевич мог всю жизнь пожирать по барану с горчицей в день и от этого только худеть, то Иришке, видно, с юных лет приходилось и придется в будущем бороться за свою фигуру до тех пор, пока ей не надоест или пока она не потерпит сокрушительного поражения в этой борьбе.

В пятнадцать лет борьба только начиналась и велась спорадически, а тяжелое будущее просматривалось лишь в рано развившихся круглых бедрах и толстых икрах, в коротких конических пальчиках и плечах, туго обтянутых курточкой. Видно, в детстве Иришка была толстушкой, и бабушки с мамушками радовались ее аппетиту и тугой попке. Теперь бабушки продолжали по инерции радоваться, но сама Иришка уже мечтала о лаврах фотомодели с осиной талией. А с талией было неладно.

Лицо у Иришки было гладкое, губы небольшие, пухлые, глаза карие, лобик узкий и каштановые волосы подкручены, чтобы не было заметно, что природа их недодала бывшей и будущей толстушке.

– Фазер, можно без криков на весь вокзал? – спросила Иришка, видя только отца и не здороваясь с тетей, хотя этого-то от нее все ожидали. Но как приятно бывает делать совсем не то, чего от тебя ожидают!

– Я не кричал, – скис Вячеслав Андреевич, потому что, как догадалась Лидочка, он опасался именно такой встречи. – Но как-то я должен был тебя позвать?

– Подошел бы и позвал.

Вячеслав вздохнул. И, словно вспомнив, добавил:

– Иришка, познакомься с Лидией Кирилловной. Я ее встречал в Хитроу.

Так как Иришка спокойно, с вызовом обратила к Лидочке безмолвный взор темно-карих глаз, Лидочка сказала:

– Здравствуйте, Ира!

И протянула руку.

Иришка секунду размышляла, до какой степени бунта она может прийти, но на этот раз решила остановиться на достигнутом. Она пожала руку Лидочки. Ее кисть была мягкой, узкой, а ладонь влажной.

– Ну вот и замечательно, – не скрывал своей радости Вячеслав Андреевич, будто боялся, что женщины вцепятся друг другу в волосы.

На табло защелкали, крутятся, таблички, замелькали надписи. Выскочила надпись «Орлингтон», а под ней список остановок.

– Нам на третью платформу. – Вячеслав подхватил Лидочкин чемодан и поспешил в узкую щель, ведущую на платформу. Все пропускали его, никто не торопился. Лидочка хотела уже припустить за джентльменом, потом поняла, взглянув на часы, что до отправления осталось еще минут десять, и пошла медленнее. А Иришка и вовсе не спешила. Вместо того чтобы мчаться на платформу, она совершила движение в сторону к киоску, где по добромому английскому обычаю купила шоколадку, забыв предложить угощение старшим. Потом она исчезла с глаз, а Лидочка ждать ее не осмелилась – ей важнее был чемодан с Вячеславом Андреевичем.

Она подумала о том, насколько юное поколение легко вживается в условия чуждого мира. Попробуй отличи Иришку от мириада таких же джинсовых тинейджеров, жующих свои шоколадки. Пожалуй, британский подросток будет лишь поласковой. Он умеет или обучен улыбаться и говорить «спасибо». А вот мы, старшее поколение, приживаемся за границей с трудом, а чаще не приживаемся вообще.

Вот и Вячеслав ворвался в пустой вагон, словно брал штурмом электричку на Казанском вокзале, и тут же сделал попытку выбраться из вагона и кинуться к другому, хотя они были одинаково пустоваты и одинаково уважаемы. По сути дела, Лидочка перешла из одного вагона метро в другой, даже не покупая нового билета.

– А где Иришка? – спросил Вячеслав Андреевич у Лидочки, как будто та кинула его единственную дочь под поезд.

– Не знаю, – ответила Лидочка.

Вячеславу стоило немалых сил, чтобы не кинуться на Лидочку с кулаками. В конце концов он не кинулся, а сложил свое тело, подобно тому, как складывается на листе богомол, и поднял палец точно так же, как это насекомое.

– У нее переходный период. И я несу за это часть ответственности.

– За период?

– Ах, нет! Дело в том, что ребенок ведет неправильный образ жизни. Фактически она живет у моей мамы, вы с ней знакомы. Алла определенно манкирует своими обязанностями. Иришка ей, видите ли, мешает. Она не дает ей построить новую жизнь. Конечно, я должен был больше времени уделять ребенку. Но поймите и меня: я не старый еще мужчина, глубоко занятый своей работой, с массой интересов, включая политику. Как вы думаете, она успеет?

– А Иришка знает, до какой станции ехать? – спросила Лидочка.

– Она разбирается во всем куда лучше меня. Конечно, она знает нашу станцию, она иногда приезжает домой ночью. Вы не думайте, что я одобряю такое поведение, но здесь по сравнению с Москвой такая безопасность на улицах, что можно совершенно спокойно гулять и в одиночестве.

– Тогда, наверное, вам не стоит беспокоиться, – предположила Лидочка.

– Разумеется, – согласился Вячеслав Андреевич, – но я не умею не беспокоиться.

Два очень больших негра с множеством косичек на головах сели по другую сторону прохода, и Кошко заговорил гораздо тише, словно боялся, что негры его подслушают.

– Сложности возникают от иммигрантов, – сказал он. – Содружество нации – бывшие колонии, англичане чувствуют перед ними комплекс вины – как бы за то, что пили из них соки в течение стольких лет. Для рядового жителя, для нас с вами, это оборачивается драмой – вся преступность концентрируется в бедных негритянских районах.

Вячеслав Андреевич возбудился, его бородка поднялась вперед почти горизонтально, в горле слышался тихий клекот, острый кадык нервно дергался по шее, грозя продрать кожу.

Опомнившись, Вячеслав Андреевич посмотрел на часы.

– Две минуты до отхода, – сказал он трагическим шепотом. – Куда она могла исчезнуть?

– У меня есть предположение, рабочая гипотеза, – произнесла Лидочка.

– Да?

– Ей приятнее ехать и жевать шоколадку в одиночестве. Она села в другой вагон.

– Но ведь вы – наш гость! Ей же интересно узнать новости, получить письма из Москвы, весточку от бабушки...

– Вы уверены, что она спешит получить эту весточку?

– Ах, я уже ни в чем не уверен!

Лицо Вячеслава Андреевича сложилось в гримасе отчаяния, как у мягкой куклы.

– Я пойду, – сказал он, – погляжу на платформе.

Лидочке захотелось спросить, неужели он полагает, что его дочь стоит на платформе и рыдает в ожидании папы, но она сдержалась, а Кошко лишь совершил движение к двери, скорее символическое, и стоял в нерешительности, пока двери не закрылись. Поезд медленно пополз мимо путей и стен, разрисованных в меру неприличными надписями. Потом он вырвался из плена близко сошедшихся темных домов и складов и полетел по мосту через Темзу. И сразу обнаружилось, что над Лондоном с утра царит голубое ясное небо, по которому медленно плывут кучевые облака, что между домов много зелени, что цветут розы, что улицы на том берегу Темзы составлены из трехэтажных домиков, вполне милых, с магазинами внизу, а мимо них проезжают настоящие двухэтажные автобусы с туристической открытки «Площадь Пиккадилли».

Кошко вроде бы смирился с потерей дочери.

Он тоже смотрел в окно и даже сказал что-то незначущее о неверной английской погоде, объяснив это морским климатом и вообще близостью моря, что не было географическим открытием.

Лидочке хотелось задать ему несколько вопросов, но задавать их вроде бы было рано. Кое-что о его появлении в Лондоне рассказала Марксина Ильинична, кое-что Лидочка узнала еще раньше от Теодора, который разыскал Марксину. Но в Москве все звучит иначе, и не знаешь, где кончается сплетня, а где начинается ложь. Так что Лидочка избрала нейтральный путь и спросила:

– Ирина здесь надолго?

– Не знаю, – буркнул Кошко. – Ни черта я не знаю.

Настроение у него было поганым. После долгой паузы он добавил:

- Надо понять Иришку. Я не могу ей здесь дать то, что упустил в Москве. Очевидно, я опоздал. Я стараюсь, я честно стараюсь, но наталкиваюсь на внутреннее сопротивление.

- Она не любит свою маму?

- Откуда мне знать? Иногда она говорит об этом, потом говорит, что ненавидит Аллу. Она - очень одинокое существо, поверьте мне. Ведь, по сути дела, она была сброшена на руки бабушке вполне живыми и дееспособными родителями. Мы с Аллой зашагали по жизни своими путями, а ребенок остался где-то в стороне.

Голос Кошко дрогнул.

Признание было искренним. Видно, проблема отцов и детей впервые обрушилась на него здесь, в Англии, и все его попытки искупить вину оборачивались педагогическими провалами. Впервые в жизни у Иришки появилась возможность отомстить взрослому миру, чем она и занималась.

- Я боюсь, что она попадет в дурную компанию. Здесь. Мне так трудно ее контролировать.

- Она знает язык?

- Она его впитала за считанные недели, как губка. Ей легко. Она уже говорит свободнее меня.

Поезд затормозил у первой станции. За окном стоял бронзовый негр человеческого роста и ждал поезда. Разумеется, он не двинулся с места, когда поезд остановился. Зато оба больших негра с косичками вышли из вагона.

- Брикстон, - сообщил Кошко. - Негритянский район. Опасное место.

Электричка поехала дальше, дома становились все меньше, за каждым тянулся газончик с кустами цветов. Дома оборачивались к поезду задом, и газоны упирались в насыпь.

Затем началось большое поле для крикета, по которому ходили джентльмены в белых костюмах со щитками на коленях и клюшками в руках. В электричку не очень шумно впорхнула стайка юных джентльменов в черных костюмах и при галстуках. Джентльмены делали вид, что это вовсе не пародия на британский образ существования, а так и следует жить на свете.

Электричка с шумом влетела в туннель. Вячеслав Андреевич потянул чемодан к дверям.

– Пятнадцать минут от Виктории, – сообщил он, – а Виктория – это практически центр Лондона. Вы хотели бы жить в Москве в пятнадцати минутах от «Киевской»? Или от Белорусского вокзала?

– Я так и живу, – призналась Лидочка, чем расстроила хозяина. Ей бы надлежало жить на окраине Чертанова или в Северном Бутове и жаловаться на то, что теряет полтора часа до центра.

Платформа станции «Пендж-хауз» оказалась сельской, тихой, заброшенной настолько, насколько такое возможно под Лондоном. Две платформы, разделенные двумя путями. Крытый деревянный переход через пути был похож на толстую гусеницу, выгнувшую спину.

Немногочисленные пассажиры не спешили, направляясь к узкому проходу в высокой железной ограде.

Вячеслав поставил чемодан на платформу. Он ждал упущенную дочь.

Иришка соскочила с поезда в последний момент – дразнила папочку. Конечно же, она ехала в последнем вагоне, чтобы не связываться с взрослыми.

– Иришка! – слишком громко позвал ее отец. Но, к счастью, его голос был заглушен грохотом обтекаемого чудовища, в затемненных окошках которого горели настольные лампы и лицом друг к другу сидели дамы и джентльмены – как будто мимо них с умопомрачительной скоростью промчался многовагонный вагон-ресторан.

– Экспресс в Париж, – сказал Кошко, не спуская глаз с дочери. – Под Ла-Маншем. Все собираюсь прокатиться, но времени нет.

Иришка подошла к ним.

– Ну что же ты! – укоризненно сказал отец, чем дал возможность ответить:

– А чего такого случилось? Я бросилась под поезд?

Иришка первой пошла с платформы.

Вячеслав Андреевич потащил за ней чемодан. Последней шла Лидочка.

– Я машину оставил здесь, у станции, не тащить же чемодан пешком, правда?

Он понес чемодан к небольшой стоянке. На мирной площадке перед станцией расположились цветочная и овощная лавки, газетный киоск и еще какой-то магазинчик. Иришка почему-то не пошла к машине, а направилась к магазинчику и скрылась в нем.

Это Вячеслава Андреевича совершенно не смутило. Он открыл багажник солидного серебристо-голубого «воксхолла».

– Иришка выбирала? – спросила Лидочка.

– Нет, это мне досталось, – ответил Кошко. – Ему уже пять лет. Вечная машина.

Он захлопнул багажник.

– Садитесь, – пригласил он. – Сейчас Иришка придет.

Иришка появилась из магазинчика в то же мгновение. Она несла большой бумажный кулек. Оттуда она на ходу доставала ломти жареной картошки и кидала их в рот. Кулек промаслился там, где на него нажимали пальцы.

Руль у машины был справа, это было неправильно. Лидочка, конечно же, знала об этом, но все равно неправильно.

Иришка рванула дверцу слева, плюхнулась крепким задиком на сиденье рядом с отцом. Лидочка уселась сзади.

- Здесь близко, - сообщил Кошко. - Пешком меньше десяти минут.

Машина рывком взяла с места.

- Водитель ты фиговый, - сообщила Иришка папе.

- Зато осторожный, - ответил тот.

- Если Бог чего не дал, то это надолго, - сказала Иришка. - Сколько раз я тебе говорила - давай буду тебя возить.

- Ты рискуешь, - сказал Кошко.

Машина набрала скорость, чуть не столкнувшись с красным двухэтажным автобусом, который, оказывается, забирался из Лондона даже сюда, и покатила по левой стороне улицы. Лидочка еле удерживалась, чтобы не крикнуть водителю, насколько он неосторожен.

Проехали мимо недавно сгоревшей каменной церкви - балки крыши напоминали объединенную селедку. Свернули за церковь, потом еще раз, прокатили немного по широкой улице, на которой в разрядку росли могучие деревья, и повернули к стоявшему в глубине, метрах в десяти от тротуара, дому. Перед домом расстился ровный газон, отделенный от улицы высокой живой изгородью.

- Вот и наш уголок, - сказал Кошко.

Слово «уголок» прозвучало напыщенно.

- Запоминайте сразу, - предупредил Вячеслав, открывая багажник и с тоской глядя на чемодан, - наш адрес: Вудфорд-роуд, 14. Вудфорд - это лесная кузница. Здесь был лес.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Лидочка выволокла чемодан, не дождавшись помощи.

- Это семи-аттачд дом, - сообщил Лидочке Вячеслав Андреевич. - То есть в переводе «полуприложенный».

- Полуприставленный, - поправила его Иришка, которая звонила в дверь, забранную в верхней половине непрозрачным, поделенным на изысканные дольки бутылочным стеклом. - Полуприпертый. Полутрахнутый.

- Иришка, твое остроумие порой оставляет желать, - сказал Кошко.

- Опять их дома нет, по распродажам побежали, - проворчала Иришка. - Где у тебя ключи?

- А твои?

- Не знаю, где мои. Посеяла. Или дома валяются.

- Ну нельзя же так разбрасываться ключами! - умеренно возмутился отец.

- Это демагогия, - ответила Иришка, вытаскивая связку ключей из сумки, висевшей через плечо. - Есть у меня ключи, есть, не суетись.

Она открыла дверь и скрылась в темноте.

- Семи-аттачд хауз, - продолжил Кошко, - выше классом, чем террасный дом. Понимаете?

- Разумеется, не понимаю, - улыбнулась Лидочка.

Кошко стоял в дверях и мешал войти.

– Мы владеем половиной дома, – продолжал он. – Наша половина – номер четырнадцать, а у соседей дом номер шестнадцать. Так экономичнее строить. Все коммуникации сооружаются на два дома. Наш дом отделяется от соседнего проходом. Видите, за калиткой? Туда выходит черный ход из кухни, там стоят мусорные баки.

– Спасибо, я поняла, – сказала Лидочка.

– Но я должен закончить, – остановил ее Кошко. – Дело в том, что большинство домов в Англии относится к другому типу – это террасные дома. То есть строится сразу сторона улицы. Как бы один длинный дом. Потом он нарезается на дольки. Каждая долька – домик. Они одинаковые по расположению, по планировке. Такие же, как наш, только гораздо меньше. Это дома для людей с доходом ниже среднего.

Кошко отступил от двери, и Лидочка смогла войти.

– Конечно, мы можем позволить себе отдельный дом и в более фешенебельном районе, – закончил Вячеслав Андреевич. – Но у нас нет таких запросов. Тогда пришлось бы слуг нанимать...

Он искренне расстраивался оттого, что чуть было не нанял слуг. А ведь лет пять назад он вполне довольствовался двухкомнатной квартирой в хрущобе и по утрам втискивался в душный автобус, спеша на службу.

В нешироком полутемном коридоре с неожиданно высоким потолком Кошко перехватил чемодан и поставил его к стене у столика с телефоном, за вешалкой.

– Потом отнесем к вам в комнату, – сказал он. – Сначала выпьем по чашке кофе за благополучное прибытие.

Он явно чувствовал облегчение от того, что путешествие закончилось и можно закрыть за собой дверь. Лидочка подумала, что Кошко внутренне человек вялый и замкнутый в ощущении пространства. Дай ему волю, он бы развил в себе обломовский комплекс и закуклился в умеренно комфортабельной обстановке. Такой человек обязательно должен иметь свой диван, где бы он ни жил. Особенный диван, как лежка у медведя, как гнездо у гагары.

Впереди поднималась крутая лестница на второй этаж, но коридор проходил дальше и упирался в белую дверь. Направо же от лестницы дверь была открыта, и оттуда слышался грохот посуды. Потом раздался звон.

Кошко обреченно сказал:

– Еще одна чашка! Сегодняшняя норма по битью посуды выполнена.

– Где веник? – раздался крик Иришки.

– Где всегда, – ответил Вячеслав Андреевич.

«Наверное, лучше бы не экономить, – подумала Лидочка. – Жила бы я сейчас в скромной гостинице».

Кошко ввел Лидочку в правую дверь, где оказалась небольшая столовая с круглым столом, покрытым пластиковой скатертью. Иришка забралась в холодильник – попка наружу, осколки чашки лежали на выложенном плиткой полу.

– Хоть бы убрала, – вздохнул Кошко.

– Со временем, – ответила дочь, прикладывая все усилия, чтобы вывести взрослых из себя.

– Это демонстрация? – спросил Вячеслав Андреевич.

– Разумеется. – Иришка высунулась из холодильника, держа в руке шмат ветчины.

– Хоть бы руки вымыла, – сказал Кошко.

– А то перед постояльцами неудобно, – закончила фразу Иришка.

И, посчитав, видно, что папа может потерять контроль над собой, она решила не рисковать и удалилась из кухни.

– Простите, – сказал Вячеслав Андреевич.

– Я все слышала, – сухо ответила Лидочка. – Ребенок рос без родителей, и теперь все виновато прыгают вокруг.

Наверное, с хозяином квартиры в первый день знакомства так грубо не разговаривают, но Лидочка разделяла чувства Иришки: ей тоже хотелось вызвать этого худенького интеллигента на конфликт, на крик, на скандал, чтобы можно было с чистым сердцем хлопнуть дверью и уйти навсегда.

Но Вячеслав Андреевич вовсе не обиделся. Он уже достал из-за холодильника красивый совок и щетку и стал заметать осколки.

– Вся беда в том, – говорил он при этом, – что я-то вину чувствую и прыгаю, как вы изволили выразиться, вокруг, а мама остается статуей в почтительном отдалении. А поклоняемся мы всегда статуям, как бы их ни ненавидели.

Лидочка была вынуждена с ним согласиться, хоть ничего вслух и не сказала. Богатые, как известно, тоже плачут.

Вячеслав Андреевич обладал сноровкой старого холостяка – он быстро и аккуратно подмел пол, потом прошел в маленькую, прижавшись к столовой кухне и поставил воду. Пока вода грелась, оттащил наверх чемодан Лидочки и показал ей ее комнату.

На втором этаже было четыре комнаты. Большая хозяйская спальня выходила окнами на улицу и была шириной во весь дом. Рядом находилась небольшая комнатка, глядевшая в промежуток между домами, и туда же выходил окошком обширный, но захламленный туалет с ванной. Еще две светелки глядели в сад. Одна из них досталась Лидочке. Вторая, как объяснил Вячеслав Андреевич, принадлежала Иришке, которая в ней и закрылась. «Слава Богу, что не закрылась в туалете, – с облегчением подумала Лидочка. – Вот это была бы революция!»

Именно на том этапе их отношений Вячеслав Андреевич предложил откинуть отчества. В Англии мы живем, в конце концов, или в Турции? Мне трудно реагировать на «Вячеслав Андреевич» – словно я в учреждении, где мне могут

дать справку, а могут и не дать. Лидочка не стала спорить: если предстоит прожить вместе чуть ли не месяц, российские отчества повисают, как вериги.

Внизу живут родственники, объяснил Слава, Василий и Валентина. Хорошие, добрые люди, приехали к нему из Краснодара провести отпуск, но не могут сдержать российских инстинктов – так что устремляются по распродажам, благо сейчас как раз настал сезон летних распродаж. И если вам, Лида, что-нибудь нужно, они все знают, где, что и почему.

Сам Слава предпочитал спать на диване внизу, в своем кабинете.

– Приведете себя в порядок, спускайтесь, я вам покажу первый этаж, – сказал он.

На прощание он принес Лидочке белье, а сам постучал к дочери. Та откликнулась, Слава вошел в комнату и принялся бормотать.

За окном стояла большая липа, а за ней начиналось бескрайнее зеленое поле. Мальчишки гоняли по нему мяч.

Лидочка разобрала чемодан, достала все, что было нужно, и отправилась в ванную.

Вернувшись из ванной, она окончательно распаковала свои немногочисленные вещи и спустилась в столовую. Прошло полчаса, не более.

Слава ждал ее, сидя за столом. Стол был накрыт небогато, но достойно английского джентльмена, жена которого находится в отлучке.

На тарелке были разложены бисквиты, прочно стояли две баночки с джемом, сыр, молоко, сахар, чашки, ложки...

– Садитесь. Может, вы желаете выпить? Джин? Виски?

– Ни в коем случае!

– Вы вообще противница?

– Нет, только сейчас. Не хочется начинать утро с победы над собой.

– Красиво, но неубедительно, – заметил Слава. Он успокоился, даже порозовел, и глаза потеряли лихорадочный блеск.

Все было как в Москве, но воздух казался иным – он был чище, мягче и склонял к неторопливости. Москва была далеко, не только в пространстве, но и во времени. Здесь никому не было дела до московской грязи, толкотни, склок, злобы, насилия и лукавства. Здесь не хотелось запираить дверей и машин, как все и поступали, хотя порой на таком легкомыслии попадались.

Заявилась Иришка. Чашка ей была поставлена заранее. Она налила кофе без молока и сахара и уселась напротив Лидочки, чтобы было удобнее ее разглядывать в упор.

Слава расспрашивал о том, как выглядит мама, что она просила передать, что нового дома, как движется строительство храма Христа Спасителя...

Хлопнула дверь, в коридоре загрохотали усиленные гулким холлом голоса. Слышны были шаги, почему-то в коридоре рвали бумагу. Иришка, хранившая до того нейтральное молчание, изобразила на физиономии презрение и негодование. Слава ожидающе обернулся к двери.

В дверях появилось красное, блестящее возбужденное лицо, удивительно гладкое, потому что за исключением сизых бровей на нем ничего не произрастало. Алые губы сложились трубочкой, и вкатившийся в комнату толстяк завопил:

– Валя, Валюха! У нас радость! Лидия приехала! Иди глядеть!

Тут же, оттолкнув толстяка, в комнату ворвалась такая же круглая и краснолицая женщина. На ее голове, словно приклеенные, росли оранжевые волосы, уложенные мелкими волнами. С краской для волос женщине явно не повезло.

Толстяки были немолоды, но очень подвижны, будто жир переливался внутри их тел, как ртуть. Такими, наверное, были гоголевские комические герои, которые

питались варениками.

Валентина протянула Лидочке обе руки и, сжав ладони, принялась ее трясти. Руки ее оказались твердыми, мозолистыми, знакомыми с лопатой.

– Лидия Кирилловна, – по-южному запела она. – А мы так рвались, так рвались в аэропорт вас встретить, только Славчик нас не взял.

– Вы так сладко спали, – сказал Слава. Он лицемерил, и Валентине бы не заметить этих слов, но она с усердием правдолюбца тут же закричала:

– Ну как же ты, Славочка, говоришь, когда мы с тобой в ванной повстречались?

Толстяк вырвал Лидочку из объятий Вали и неожиданно хлопнул по плечу.

– Разрешите представиться. Мы будем родные Славику из Краснодара. Меня зовут Василием Никитичем Кошко, а мою супругу – Валюхой. Проводим отпуск на туманном Альбионе. Но туманов нема!

Валюха засмеялась тому, что туманов нема, и крикнула мужу:

– Мечи на стол, Василий!

Василий исчез, за ним ушла Иришка, видно, в знак протеста, но к протестам тоже привыкаешь, и никто ее ухода не заметил.

Василий вернулся с початой бутылкой перцовки и кексом или чем-то подобным кексу, запакованным в фольгу. Валюха скользнула на кухню и стала там шуршать фольгой, а Василек, Василь, Васичка (его называли по-разному, словно имя еще не установилось) достал рюмочки и всем разлил по глотку. Осталось больше половины бутылки, и это его обрадовало. Он завинтил крышку, поставил бутылку на пол возле ножки стола, чтобы не было соблазна, произнес:

– С приездом! За знакомство! – И первым потянулся рюмкой к Лидочке.

– Иду-иду! – закричала из кухни Валюха, о которой муж забыл. – Разложу и приду.

Она вынесла из кухни кекс на вытянутых руках, как выносили лебедя на царском пиру.

– Кушайте, гости дорогие, – пропела она. – Надеюсь, вам понравится наш скромный подарочек.

Валюха уселась рядом с Лидочкой, положила треугольничек кекса ей на блюдец и неожиданно спросила:

– А почему у вас сметана?

Лидочке вопрос показался не только несвоевременным, но и смешным, и она спросила:

– А у вас? В Краснодаре?

– А мы раньше в Полтаве жили, – ответила Валюха. – Сбежали из Хохляндии. Полная разруха с этими карбованцами. Все растащили, ну буквально все. И мы к дочке уехали, в Краснодар. А они гривны ввели.

Неожиданно Валюха вскочила из-за стола и умчалась к себе в комнату. Василь раздумывал, не налить ли еще – он даже склонился к ножке стола за бутылкой, – но тут бережливость взяла верх, и он выпрямился. Возвратилась Валюха с фотографией двух толстощеких детишек.

– Это наши, – сказала она. – Внучата.

Лидочка произнесла подходящие к случаю междометия. Валюха совсем растрогалась.

– Я тебе, Лидия, вот что скажу...

– Может, Лидия Кирилловна хочет отдохнуть? – перебил ее Слава.

– Нет, спасибо. – Лидочке было неловко обрывать на полуслове эту добрую женщину.

- А я тебя спрошу, ты что брать будешь? - спросила Валюха.

- Валентина! - оборвал ее Слава.

- Пускай говорят, - разрешил Василий. - Им, бабам, только о тряпках и разговаривать. А мы с тобой по маленькой. Давай нашей, настоящей, крепкой, не то что здешнее дерьмо по двадцать фунтов.

Валюха глядела на Лидочку доверчиво и ласково, будто была готова снять с себя последнее.

- Я тебя с миссис Симпсон познакомлю. Другую бы не стала знакомить, а тебя познакомлю.

- Хоть и старуха, но доброты сильнейшей, - сказал Василий, опрокинув в рот рюмочку и с сожалением заглядывая в ее пустоту.

- Она нам еще вчера подсказала, что они с утра будут выбрасывать.

- И это правильно, - поддержал жену Василий. - Всем не наобещаешь. А мы ей подаруночек привезли - косыночку с видом Киева.

- Ты только не переоценивай, - осадил мужа Валюха. - Они на таких, как мы, только и держатся. А то бы всех разогнали. Ты посиди, я тебя к нам не зову - у нас беспорядок. Сейчас я тебе такое покажу - ты ахнешь!

Валюха в мгновение ока вылетела в коридор и тут же вернулась с большой полосатой пластиковой сумкой. Из нее, подвинув чашки, она вывалила на обеденный стол небольшую дубленку.

- Ты такое видела? - спросила она у Лидочки.

- Дубленка? - В голосе Лидочки прозвучало сомнение. Может, она недостаточно образована? Может, это что-то особенное?

Дубленку положили на спину, и на груди обнаружилось небольшое чернильное пятно. На самом видном месте.

Кошки хором вздохнули и, забыв об окружающих, стали обсуждать, как это пятно вывести или на его место нашить цветочек такого же, как дубленка, цвета, и никто даже не подумает, что там было пятнышко.

– А теперь, Лидия, догадайся, сколько мы за нее отдали? – спросил Василий.

У Славы, кажется, заболел зуб. Он морщился и смотрел в окно. Но за окном был лишь забор, а за ним стена соседнего дома.

– Ну, смелее, Лидия, смелее!

Они были такими радостными, возбужденными, что напомнили Лидочке страстных охотников, которые вернулись из леса и притащили медведя. Медведя взяли на рогатину сами, без помощи егерей, да вот беда – шкура в одном месте пробита!

– Давай, Лидок! – призывал Василий.

Кошки были людьми простыми. Они уже называли Лидочку кратко, обращались к ней на «ты», они уже перевели ее в свой батальон.

– Никогда не догадаешься! – сказала Валентина. – Три фунта. Честное слово – три фунта.

– Будь точной, крохотулька, – поправил жену Василий. – Три фунта пятьдесят копеечек.

– Но ведь это дневной билет на метро! – воскликнула Валентина. – Надо же осознавать!

– У нас еще есть кое-какая добыча, – сказал Василий. – Кое-что из белья, из детских вещей, внуки ждут – не дождутся нашего возвращения.

– У окошка стоят, – запела Валентина.

– Но почему ты не спрашиваешь, Лидия, почему не спрашиваешь, где мы такое чудо купили?

Лидочка не могла догадаться, где продают такое чудо.

– На Сиднем-роуд, – объяснил Василий. – Канцерное сосайети. Мы, так сказать, занимаемся благотворительностью. Вот там миссис Симпсон нас привечает.

– А я к себе пошла, – сказала Валентина. – Я посуду потом вымою, ты, Славочка, не бойсь. Страсть как хочется добычу пересчитать. Смешно, да? Ну что ж, подождешь, мы уже старые люди, всю жизнь провели в лишениях.

Она убежала в коридор, потащила что-то. За ней, подхватив в охапку дубленку и бутылку, умчался Василий. За столом стало очень тихо.

– Сколько им лет? – неожиданно для себя спросила Лидочка.

– Под шестьдесят. Но не дашь, никак не дашь, правда? – ответил Слава. – Они у нас здесь исполняют роль стихийного бедствия. Они полны благих намерений. Но эти намерения направлены на легкое обогащение.

– А как они занимаются благотворительностью?

– Типично совковый метод ставить все с ног на голову, и в результате ты оказываешься королем, а все остальные в белых тапочках. У них здесь, в Англии, много всяких благотворительных обществ. У этих обществ лавочки, куда поступают вещи от умерших бабуль или от местных жителей. Деньги, вырученные от продажи, идут на помощь больным. Порой в этих лавочках все продается за бесценок. Сегодня мои родственники совершили налет на магазин общества помощи раковым больным.

– Значит, это... чужая дубленка?

– Кто-то ее купил, облил чернилами и подарил с горя магазину. Всякое бывает. Вы не думайте об этом. Мы сначала с Иришкой пытались спорить. Но у наших кротов странный аргумент – если бы я поделился с ними деньгами, они бы покупали все в «Хэрродсе». Но мне кажется, что достаточно уж того, что они

живут здесь и едят. А раз в неделю покупают кекс. Об этом кексе мы еще услышим не раз. Словно это ведро черной икры. У вас тут есть знакомые?

- Нет.

- А поручения?

- Мне надо отвезти посылку в университет.

- Пожалуй, лучше вам это сделать завтра, чтобы не ездить в Лондон лишний раз. У вас доллары или фунты?

- Доллары.

- Я думаю, что выгоднее будет разменять в «Америкэн Экспрес». Это на Виктория-стрит, я вам покажу.

- А сегодня?

- Я бы посоветовал вам поспать. Все-таки вы встали в Москве на рассвете, пролетели несколько часовых поясов. Послушайтесь моего совета – поспите часок-другой.

И по мере того как он говорил, Лидочке все более хотелось спать.

Это не означало, что Слава обладал великими гипнотическими способностями, но на часах был уже первый час, а встала сегодня Лидочка в шесть, к чему надо приплюсовать три часа разницы между Москвой и Лондоном. Вот и наступило время для мертвого часа.

Лидочка поднялась в свою комнату.

Комната была невелика, в ней стояла тахта мягкости необычайной, еще оставалось место для платяного шкафа, небольшого стола, который при желании можно было считать письменным, а можно было и туалетным, кресла, стула и Лидочкиного чемодана, пока еще вполне относящегося к предметам мебели.

Лидочка хотела разложить белье и сделать себе постель, но это означало бы полную капитуляцию перед Морфеем, к чему она была не готова. Она сбросила туфли и растянулась на тахте, словно на морской волне.

Если подняться на локте, то был виден длинный газон и деревья за газоном.

Сон, конечно же, не шел. Странное чувство владело Лидочкой – словно на самом деле ее приезд в Англию требовал внутренней спешки, гонки, нужно было успеть, завершить, и уж конечно, немислимо было отдыхать... Почему все внутри было связано в тугий узел? Даже сердце билось неточно, сбивчиво, как ребенок, торопящийся, вернувшись из садика, все рассказать маме. Нет, сон никак не шел. Вместо этого вспоминались шоколадки, обивка на креслах в электричке, убийца-организатор Геннадий, дубленка с пятном... И так, борясь с летучими воспоминаниями, Лидочка села на тахте и стала смотреть в окно. На длинном горизонтальном суку сидела белка и прихорашивалась к вечернему свиданию, в тени дерева скользнула лиса, и тяжелые головки роз колыхнулись, пропуская ее внутрь кустарника. Станный город, странный мир... За стенкой бубнили папа с дочкой, но, к счастью, слов было не разобрать.

Нарушая идиллию чужого мира, каркнула ворона, опускаясь на газон, и пошла, раскачиваясь, словно пьяный моряк, по короткой траве.

Лидочка заставила себя снова лечь и закрыла глаза.

Она мысленно повторила путешествие от аэропорта до этого дома – зал ожидания, метро, пересадка, вокзал Виктория, электричка, бронзовый негр на станции Брикстон, полустанок, магазинчики у станции, деревья на улице Вудфордж...

И тут Лидочка проснулась, потому что не заметила, как заснула, повторяя путешествие.

Проспала она долго, часа два.

Солнце успело спрятаться за облака, но день был в полном разгаре. Наверное, уже три часа.

Дома было тихо.

Потом снизу донеслись звуки кухонной деятельности.

Пора было вставать, хотя Лидочка чувствовала себя разбитой, невыспавшейся, настроение испортилось – не хотелось становиться приживалкой в этом неладном доме. И зачем только она согласилась на эту поездку?!

В таком настроении она сошла вниз, где целый час просидела в кабинете Славы, слушая его наставления и глядя по телевизору какую-то программу, которая должна была вызывать смех, но вызвала его лишь у невидимой телевизионной аудитории, громко и заразительно хохочущей в ответ на любое движение губ комиков.

Слава уверял, что все это очень смешно, но Лидочке казалось, что он делает это скорее из чувства долга – он англичанин и должен ценить британский юмор, не так ли?

Потом Валентина позвала всех обедать. Обед состоял из пакеточного супа, замороженных котлет и полуфабрикатного мусса. Все было умеренно невкусно, и Валентина за столом игриво напомнила Лидочке, что «мы живем здесь небольшой коммуной и тратимся на еду по очереди. Послезавтра ваша очередь, Лидочка».

Слава толкнул Лидочку под столом коленкой, напоминая о скаредности родственников.

За обедом Иришка капризным голосом принялась просить у отца машину, заранее зная, что машину ей не получить. После обеда она уехала куда-то на велосипеде, а свинки, как назвала для себя Василия и Валентину Лидочка, стали звать ее прошвырнуться по магазинам, чтобы показать ей, что есть что и что есть где, но Лидочка уже дала себе слово сопротивляться напору, исходящему от супругов. Вернее всего, они были милыми и добрыми людьми, но жизнь свою прожили в относительной бедности, а теперь не выдерживали вида и содержания лондонских распродаж и рынков. И малость рехнулись. Может быть, это было и не совсем так, но сторонником подобной идеи выступил хозяин дома Слава, когда после обеда увел Лидочку в сад. Он отошел подальше от дома, чтобы не подслушивали, а так как подслушивать, кроме родственников, было

некому, то стало ясно, что он им не очень доверял. Слава спросил Лидочку, интересно ли ей узнать, как он стал владельцем этого дома и почему поселился в Лондоне. Лидочка ответила, что ей интересно.

Слава попросил ее потерпеть до вечера. Краснодарские Кошки, как он объяснил, ложатся спать пораньше, следуя золотому правилу «кто рано встает, тому Бог подает». И ему бы не хотелось, чтобы они совали свой нос в его дела.

– Разве они ничего не знают? – спросила Лидочка.

– Разумеется, в принципе им эта история знакома. Все родственники, даже те, о существовании которых я недавно и не подозревал, обсуждали мою судьбу с завидным интересом. Но мне не хочется, чтобы они дышали в спину, когда мы с вами разговариваем.

– Вам наконец-то захотелось поговорить с человеком, который ни на что не претендует? – поняла Лидочка.

– Честно?

– Как вам хочется.

– Если честно, то я рад, что вы приехали и оказались именно такой.

– Какой?

– Не притворяйтесь. Вам уже говорили. И не раз.

Лидочка не стала расспрашивать Славу дальше. Она понимала, что и в самом деле относится к разряду других людей. Может быть, нормальных людей. Но составить полное представление о том, что же творится в доме номер четырнадцать, она не сможет, пока Слава не расскажет ей обо всем сам.

Слава ждал нового вопроса, не дождался и произнес сам:

– У меня к вам просьба. Завтра на утро нет молока и корнфлекса. Мои родственники, как всегда, сэкономили и забыли купить. Вы не дойдете до

магазина? Это просто. По нашей улице направо, и через пять минут вы попадете на Сиднем-роуд, нашу главную деревенскую улицу. Там два шага до гастронома. Он еще открыт.

- С удовольствием.

- У вас нет географического идиотизма?

- Нет, у меня по географии всегда была пятерка.

- Английские фунты есть?

- Надо будет разменять, но немного есть.

- Сколько немного?

- Фунтов двадцать.

- Вам хватит. И даже на джем, желательно абрикосовый. Он тоже кончается.

- А хлеб покупать? – спросила Лидочка, довольная возможностью быть полезной дому. Она не любила оказываться в роли нахлебницы. Впрочем, это ей никогда и не удавалось.

Слава открыл ей дверь и стоял, глядя вслед, чтобы убедиться, правильно ли она идет.

Лидочка шла правильно.

Она благополучно добралась до небольшого, но полноценного гастронома. Истратила фунтов пятнадцать, сумка оказалась тяжелой.

Когда Лидочка шла обратно, уже начинался вечер. Тени стали длиннее, на улице прибавилось машин, люди возвращались по домам.

Конечно же, Лидочка ходила куда дольше, чем рассчитывала. Она была благодарна Славе, что тот придумал ей занятие и предлог выйти в город одной. На улице было много магазинов и магазинчиков – небольших, тихих и чистеньких. К тому же Лидочка сама, без чужой помощи, отыскала и запомнила, где находятся почта, прачечная, химчистка, овощной магазин, книжный магазин с развалом на столе перед входом и даже отделение банка.

Возвращалась она не спеша, нагладевшись на жизнь улицы, которой и дела не было до Лидии Берестовой, гражданки России, сегодня впервые приехавшей в этот пригород Лондона.

Она повернула к дому. Здесь все было просто, не заблудишься.

Через пять минут она дошла до Вудфорд-роуд, глаза на гигантские розовые кусты – еще одну национальную особенность английского быта, о которой предыдущие путешественники по этой стране сообщить забыли.

Когда Лидочка сворачивала на улицу, почти одновременно с ней туда, только с другой стороны, повернула машина.

Солнечные лучи били почти горизонтально земле, и потому профиль человека, сидевшего рядом с шофером, высвечивался, как в театре теней. Даже слишком ярко.

Лидочка даже остановилась от неожиданности – этим пассажиром оказался ее сосед по самолету, убийца-организатор Геннадий. Какое совпадение! Наш красавчик тоже живет в этом районе!

Лидочка готова была уже помахать ему рукой и окликнуть: окошко открыто – услышит. Но тяжелая сумка остановила движение руки, и тут же проснулась настороженность, рожденная этой тяжестью, положенной на ее кисть предупреждающей рукой. Лидочка сама себе удивилась. Бывают же совпадения, ну и хорошо, встретила соотечественника за рубежом, приятного молодого человека, шахматиста-любителя. Чего же ты молчишь, Лидочка?

Потом уж она старалась понять себя. Почему она вела себя именно так, а не иначе? Почему она шла дальше, не ускоряя и не замедляя шаг, чтобы не обратить на себя внимание?

И тут же дала себе ответ: машина ехала слишком медленно.

Люди в машине что-то или кого-то искали.

Они разговаривали, сближая головы. Машина уехала уже довольно далеко, но тот яркий, предвечерний свет, что окутал улицу, отличался особенностью подчеркнуто ярко высвечивать все предметы, так что Лидочка даже издали могла видеть Геннадия и его спутника во всех деталях. А спутником Геннадия был тот человек, который встречал его в Хитроу.

Лидочка вдруг испугалась, что русские в машине ищут дом Славы Кошко. Или их приезд вовсе не связан с этим домом?

Но она, к сожалению, угадала.

Перед четырнадцатым домом машина почти остановилась, и оба ее пассажира шеи свернули, разглядывая машину Славы, фасад дома, дверь и розовые кусты.

И, может, у Лидочки остались бы еще сомнения, она смогла бы себя утешить, но как только машина миновала дом, то водитель ее, словно завершая танец, нажал на газ, и машина, набирая скорость, помчалась вперед. Только тут Лидочка сообразила, что машина была синей «тойотой», а номера она не разобрала.

Итак, Геннадий искал дом номер четырнадцать по Вудфорд-роуд. И он его отыскал.

Оставались надежды, что планы его были вовсе не зловещими, а какими-то иными. Но какими же? Любопытно бы узнать, какова была доля шутки в словах Геннадия относительно его профессии.

По крайней мере Лидочку они не заметили. Не ожидали увидеть ее с хозяйственными пакетами.

Рассказать об этом Славе? Надо будет сказать... потом...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Когда Лидочка вернулась домой, все, за исключением Иришки, которая еще не вернулась, сидели у телевизора и глядели детективный сериал. Слава кое-что переводил, потому что за пределами магазинов родственники английским языком явно не владели.

Так как никому до Лидочки не было дела, она пошла наверх и провела следующий час, раскладывая вещи, приспособливая под себя новое жилье, – у нее было это звериное умение сделать себе домик, устроить уютную норку.

Потом, еще раз поглядев на вечерний сад и поля за ним, откуда доносились крики английских мальчишек, игравших в футбол, Лидочка тихо спустилась на кухню. Кухня соединялась с кабинетом, где работал телевизор, окошком, прикрытым фанерной шторкой, чтобы подавать джентльменам кофий и сэндвичи. Поэтому из кухни можно было подслушивать, что происходит в кабинете. Пока оттуда доносились только выстрелы, визг тормозящих шин и злобные выкрики полицейских и негодяев.

Лидочка занялась ужином, заодно осваиваясь на кухне, засовывая нос на полки, полочки, в шкафы и холодильник и обнаруживая, что хозяйство дома находится в разоре и беспорядке. Видно, покупалось тут все от случая к случаю, чего-то катастрофически не хватало, а вот сахара, например, и зеленого горошка было достаточно, чтобы прокормить осажденный гарнизон.

Лидочка никак не намеревалась брать на себя хозяйство – она приехала не за этим, но неистребимый ген женщины-хозяйки оказался сильнее ее. И пока не кончились все сериалы, она вычищала кухню, наводила порядок на полках и в холодильнике, а потом отправилась искать, куда же в Англии выбрасывают переполненное мусорное ведро.

В этот момент, завершив культурную программу, на кухню явился хозяин дома. Он был потрясен переменами в своем хозяйстве и понес ведро в проход между домами, где стояли темно-зеленые баки с крышками для мусора.

– Вам не хватает настоящей женщины, – сказала Лидочка. – Почему бы вам кого-нибудь не нанять?

Слава поставил опустошенное мусорное ведро у задней двери и начал загибать пальцы:

– Во-первых, это безумно дорого. Вы не представляете, как высоко здесь ценится малоквалифицированный труд. Уборщицы и кухарки получают больше профессоров. Во-вторых, мне меньше всего хочется впускать в дом чужую женщину, тем более другой национальности. И, в-третьих, недели через две, а может быть, и скорее должна приехать моя бывшая жена. Да, да, мать Иришки. Она пожелала навестить нас. Ну что я могу сделать?

Отринув эмоции, прозвучавшие в словах Славы, Лидочка спросила:

– И она наведет здесь порядок?

– Она хозяйственная особа, – ответил Слава. – Правда, непостоянная. Как на нее найдет. Но я думаю, что, если она застанет здесь чужую женщину – служанку, кухарку, экономку, называйте как знаете, – она будет недовольна.

– Вы давно разошлись? – спросила Лидочка.

– Несколько лет назад. – Слава поднял ведро и переставил его к плите. – Достаточно, чтобы чувства и обиды угасли. Я надеюсь...

– Она снова вышла замуж?

– Насколько я понимаю... со слов Иришки. А может быть, мне мама говорила. Она была замужем, но недолго.

Он лгал, потому что по голосу, по ушедшим в сторону глазам было ясно, что Слава внимательно и ревниво следил за жизнью бывшей жены. И ревновал. Еще в Москве Марксина Ильинична оговаривалась: «Когда Алла бросила Славика...» Соблазнительно было бы спросить, не возможность ли примирения скрывается за этим приездом? Но не настолько они со Славой знакомы, чтобы задавать такие вопросы. К тому же похоже, что Слава, страдающий от недостатка общения в своем возрастном и социальном слое, вскоре сделает Лидочку поверенным в делах и заботах. К этому надо быть готовой, как к новому обстоятельству, осложняющему здешнюю жизнь.

– Я приготовлю ужин, – сказала Лидочка.

– Заранее благодарен, – откликнулся Слава. – Я так и не научился готовить, хоть и кормил сам себя последние шесть лет. А мои родственники отлично обходятся супом из пакетиков.

– Но я не хотела бы превращать... – Лидочка осеклась. Заявление было неумным, потому что декларировать свои намерения нетактично. Не хочешь, не готовь. Но Слава понял начало фразы.

– Вы – вольная птица, – сказал он. – Окажете милость, будем рады. К сожалению, Иришка пока не проявляет склонности к хозяйству.

– Наверное, ей еще рано. Она воспринимает пищу как данное. Как одну из обязанностей родителей.

– Даже если родителей нет поблизости, – заметил Слава.

Лидочка сказала:

– Вы мне здесь больше не нужны.

– А Валентина?

– Я буду благодарна, если она накроет на стол.

– Я скажу ей.

– Она не обидится, что я узурпировала ее права?

– Подозреваю, что она будет счастлива. Она сама признавалась, что умеет готовить лишь яичницу со шкварками. Здесь же никто не ест шкварок, все берегут фигуру.

– Или просто не подозревают о таком счастье.

Лидочка развернула мясо, открыла духовку, чтобы изучить ее, и поняла, что там есть гриль.

На кухню заглянула Валентина и, светясь добродушием, спросила, нужна ли ее помощь? «А то Славик сказал, что ты на себя взяла тяжкий труд».

– Привычный труд.

– Ах, он всем нам, женщинам, привычен. Ты мне кликнешь в окошечко, когда накрывать?

И нет Валентины.

Лидочка мучилась проблемой – сказать ли Славе о двойной встрече с молодым человеком Геннадием. И если сказать, то как не показаться смешной?

В конце концов сказала она ему об этом после ужина, когда, высказав шумную благодарность, Василий с Валентиной удалились к себе. Они спали на первом этаже в комнате, которая выходила на тихую улицу. Они сами, как сказал Слава, выбрали себе эту спальню, чтобы уходить и возвращаться, не беспокоя остальных обитателей дома. Правда, как предположил тот же Слава, как только их имущественные накопления превысят какой-то уровень, они попросятся наверх – там безопаснее. И хоть говорят, что в Англии не воруют барахло, все равно лучше будет подстраховаться. Так что, Лидочка, будьте к этому готовы.

Он уже стал называть ее Лидочкой. Не Лидой, не Лидией, а Лидочкой. Что же в ней есть такого, что заставляет людей выбирать из всех возможных вариантов имени только этот? Уж не такая она маленькая и нежная...

Слава увел Лидочку к себе в кабинет. Телевизор работал без звука, но Слава все равно в него подглядывал. Он потушил верхний свет, оставил только торшер, потянулся к книжному шкафу и достал большую папку.

– Мебель мы частично перевезли из большого дома, выбрали то, что попроще.

Мебель была приятной, умеренно поношенной, как пиджак у богатого лорда, кресло и диван были кожаными, чуть продавленными. А вот стеллажи новые,

купленные на распродаже.

Слава следил за взглядом Лидочки и спешил пояснить, если полагал, что она чего-то не понимает.

- Вам интересно?

- Мы же договорились, что интересно.

Слава вскочил и открыл дверь в коридор.

Тут и Лидочка услышала, как хлопнула дверца машины – видно, Слава все же беспокоился, ждал возвращения Иришки.

Слава поспешил по коридору, чтобы встретить дочку. Лидочке было слышно, как он с умеренной строгостью выговаривал ей за позднее возвращение, а она отвечала, что время еще детское. Десяти нет. Кто в такое время возвращается домой? Ребята ее звали в паб, но она не пошла.

- Спасибо хоть на этом. Подумала об отце.

Голоса приближались.

- Не подумала, а вспомнила, – сказала Иришка. – Откуда у меня деньги? А ребята здесь скидываются на паб – кто будет за меня платить? За мои красивые глаза?

- А Лидочка такой ужин приготовила! – подобострастно произнес Слава.

- Я не хочу есть! – Иришка ответила быстрее, чем следовало. Словно уже подходя к дому, заготовила такую реплику.

- Ты попробуй. Она запекла мясо с овощами. Пальчики оближешь!

- А где она тебя ждет?

- Как так где?

– Ну где она, где? – Иришка говорила громким шепотом, но Лидочка, конечно же, все отлично слышала. И была уверена, что эти слова слышат и краснодарские Кошки. – Где ты прячешь свою кралю?

– Иришка, ты с ума сошла! – прошипел Слава. – Я ее сегодня впервые увидел.

– Что-то слишком ты ласков для первой встречи. Хочешь сказать, что у тебя любовь с первого взгляда?

– Ничего подобного! Просто Лидочка...

– Это что еще за слюнявое обращение – Лидочка?! Лидуля, мамуля, кисуля, целую твои пальчики!

– Сейчас же перестань! Ты не имеешь никакого права так говорить!

– Я ни на что не имею права, – громко произнесла Иришка и громко протопала по лестнице вверх – переживать.

Слава вернулся огорченный.

– Я так хотел, чтобы она попробовала ваше жаркое! – сказал он.

– Надеюсь, все обойдется, – сказала Лидочка голосом старшей сестры.

– Как говорит Валентина, искушенная в человеческих интригах, – сказал Слава, закрывая дверь в кабинет и запуская тонкие пальцы в бородку, – Иришка очень боится, что ее мама лишится наследства. Но это не так, клянусь вам, что это не так. Иришка – трудный ребенок. Но виноваты в этом только мы, взрослые.

Лидочка этот текст уже слышала.

– Я думаю, что ей хотелось бы восстановить нашу семью. И тогда она тоже обрела бы покой. – В его словах звучал лживый пафос.

Лидочка хотела спросить, есть ли на это шансы, но прикусила язык и в ответ на вопросительный взгляд Славы заговорила о Геннадии, о том, как они летели сегодня в самолете, а потом она встретила его здесь. Конечно, встреча могла быть случайной, но она считала своим долгом...

– Любопытно, – сказал Слава. – А знаете, я в глубине души все жду, когда ко мне придет соотечественник или из уголовного мира, или из налоговой инспекции и спросит: «Откуда деньги? Делись с нами!»

– Но вернее всего, это случайность? – Лидочка не стала говорить Славе о странном признании Геннадия – «я организатор убийств». Ведь Геннадий в тот момент или шутил, или был убежден, что никогда в жизни больше Лидочку не увидит.

– Я не знаю... порой я ничего не знаю. Но то, что известно троим, уже не тайна, а то, что известно моим родственникам, становится общественным достоянием.

Слава поднял палец. В вечерней тишине было слышно, как наверху ходит Иришка. Походка у Иришки была тяжелой.

За французским окном – стеклянной стеной в сад – висела глубокая синева, усеянная изящно развешенными звездами.

– Со мной случилась любопытная история, – начал Слава. – Вернее, с моей мамой, Марксиной Ильиничной, с которой вы уже знакомы. Мама моя – чистых кровей русская женщина, даже со склонностью к коммунизму, я имею в виду имя. Никаких других вариантов в семье не наблюдалось...

Слава вздохнул. Рассказчиком он был не очень опытным, и исповедь в духе настоящего романа потребовала от него нервного напряжения.

– Странно, – сказал он вдруг, – ведь мы знакомы один день. То есть я знал о вас, мама говорила, я представлял... Но я ведь довольно скрытный человек, мои сослуживцы, даже приятели до сих пор не представляют, что же со мной произошло и куда я делся. Я мало с кем поддерживаю отношения. И боюсь, что сегодня спать не буду в опасении вашего знакомого... Геннадия?

- Геннадия.

- Я ничего не храню дома. А зачем? У нас даже нет драгоценностей. Знаете, я все собираюсь купить новый телевизор, но так страшно обратить на себя внимание! Я понимаю, что ничего не заслужил, что все это усмешка судьбы, может, даже злая усмешка. Ничего из этого хорошего не выйдет... И тут еще вы приехали!

- Пока что я не вижу связи.

- Наоборот! Мне хочется вам рассказать. Я хочу, чтобы именно вы все знали, Лидочка. Это удивительная история, в которую я не верю. И еще более удивительно, что я рассказываю ее совершенно незнакомому человеку.

- Вы уже сегодня принимали пищу из моих рук, - попыталась успокоить его Лидочка. - Так что считайте, что определенная степень доверия достигнута.

- Из меня дрессированный лев, как... - Слава не нашел сравнения, махнул рукой и продолжал свой рассказ, говоря вполголоса, словно не хотел, чтобы его слышали даже родственники.

Сверху загрохотала музыка - Иришка включила магнитофон на всю катушку. Лидочка невольно поглядела на часы. Десяти еще не было, милицию рано вызывать. Но может быть, здесь есть законы по охране тишины?

- Ничего страшного. Она сама долго такого шума не выдерживает, - успокоил Лидочку Слава.

При искусственном теплом свете кожа его была не такой мучнисто-бледной и мятой. Он даже казался приятным на вид человеком, правда, до владельца замка он никак не дотягивал.

- Моя мама, - снова начал Слава, - чисто русская женщина. То есть я так полагал. И бабушка моя, Мария Федоровна, она умерла лет шесть назад, тоже была вполне обыкновенной русской женщиной родом из Новгорода. Правда, с отцовской стороны я родственников почти не знаю - отец ушел от мамы, когда я был совсем маленьким. Родственники возникли сравнительно недавно, скорее

посредством фамилии. Это они меня отыскали. Точнее, их папа. – Слава показал на стенку, за которой уже спали, готовясь к завтрашним завоеваниям, супруги Кошко из Краснодара.

Музыка наверху стихла, бунт подростков взял тайм-аут.

– Вот видите, – сказал Слава. – Она нам доказала и теперь будет читать, как нормальный ребенок.

Ему очень хотелось, чтобы Иришка оставалась ребенком, ну хоть еще годик-два.

– Теперь о моей бабушке, – деловито заговорил Слава.

Он устроился на своем диване, сложился кузнечиком и уменьшился до уютных размеров. Лидочка сидела в кресле, которое частично попадало в круг света от торшера.

– Я всю жизнь был убежден, что наша бабушка – чистой воды русачка, но лет десять назад, будучи уже в преклонном возрасте, бабушка призвала нас с мамой и передала нам вот эти документы. Из них следовало несколько любопытных выводов. Они касались в первую очередь моей прабабушки. До этого прабабушка, как и все прабабушки, была просто туманной тенью на старой фотографии. А может, и фотографии не было. Я даже не помнил, как ее звали. А тут оказалось, что звали ее Юлией Александровной Кабариной. О чем свидетельствует, в частности, вот этот любопытный документ.

Кошко протянул Лидочке листок, снятый на ксероксе.

Порт-Артур, 24 июля 1904 года

Свидетельство

Дано сие сестре милосердия Дальнинской больницы Ю.А. Кабариной в том, что она, состоя на службе Красного Креста, имеет право ношения на левой руке установленной повязки при печати означенного учреждения и за № 22.

Главноуполномоченный

Егермейстер И. Балашов

– Обратили внимание на надпись в левом верхнем углу?

– Порт-Артур?

– Вот именно! Оказывается, моя прабабушка во время русско-японской войны была сестрой милосердия в крепости Порт-Артур, то есть женщиной героической. Я даже пожалел, почти осерчал на бабушку за то, что она скрывала от нас ее документы. Ведь можно было бы проследить ее судьбу по архивам и даже написать о ней книжку. Ведь сестер милосердия, тем более в самом пекле войны, было немного... Но у моей бабушки, оказывается, были основания скрывать эти документы. Больше того, вскоре я убедился в том, что, тая и сохраняя бумаги, бабушка рисковала не только своей жизнью, но и жизнью всей семьи – ведь дед мой был сталинским чиновником выше среднего класса, и узнай кто-то о пачке писем в бабушкином столе, гудеть бы всей семье на лесоповал. Я не шучу, вы сами сейчас поймете. Но есть что-то в человеке, страсть сохранить связь со своими корнями, страсть, презирающая даже прямую опасность.

Слава заговорил выпренне, что было ему, в сущности, несвойственно. Но этот переход произошел от осознания значимости бабушкиных бумаг.

– Следующим документом в пачке оказалось письмо. Письмо необычное. После него всякое желание искать героические следы прабабушки в анналах Порт-Артура пропало. Вы по-английски читаете?

– Читаю.

Письмо было таким же пожелтевшим, как и справка.

– Обратите внимание, каким числом оно датировано. Судя по паспорту моей бабушки, она родилась 21 августа 1905 года. Читайте, читайте...

Лидочка принялась читать письмо. В переводе оно звучало так:

Д.З., Нарви Стрит, Лайсли Роуд,

Зап. Глазго

20 авг./2 сент. 05 г.

Моя дорогая Юлия!

Твое доброе письмо только сейчас добралось до меня, и я был рад узнать, что ты преодолела недомогание и дитя здорово тоже. Пожалуйста, прими мои самые сердечные поздравления. Я очень горжусь тобой. Надеюсь, что скоро ты будешь совсем здорова.

Я только что приехал в Глазго и был чрезвычайно занят, но надеюсь, что вскоре мне удастся все уладить. Я жду сведений о том, сколько мне еще удастся пробыть дома. Мир был подписан очень неожиданно, и я не знаю, как это скажется на моем отпуске.

Я собираюсь написать тебе длинное письмо, в котором коснусь всех частных. Напиши мне, можешь ли ты читать мои письма?

Через несколько дней я вышлю тебе сентябрьские деньги. Надеюсь, что пока тебе хватает денег. Заботься о своем здоровье и о здоровье ребенка, пиши мне длинные письма и сообщай, как ты живешь. Я снова чувствую себя хорошо и хотел бы, чтобы ты была здесь со мной, но так трудно все уладить!

Любящий тебя и ребеночка,

верь мне,

твой искренне Август Кармайкл.

- Какой вывод вы сделали из этого письма? - спросил Слава.

- По-видимому, автор письма и его адресат провели какое-то время вместе, судя по документу, который вы мне показали раньше, в Порт-Артуре. Ваша прабабушка была сестрой милосердия, а мистер Август Кармайл, шотландец из Глазго, приезжал туда по делам, вернее всего, как журналист - вряд ли люди других специальностей попадали в осажденную крепость. Я допускаю, что шотландец и ваша прабабушка познакомились, и в результате их союза на свет появилась ваша бабушка, а случилось это за две недели до того, как мистер Кармайл написал утешительное письмо своей возлюбленной.

- Утешительное? - переспросил Слава.

- Вот именно. Мне это письмо не понравилось. Мне не хотелось бы получить такое письмо в родильном доме.

- А что вам не понравилось? Что? Мне это важно знать.

- Оно дежурное. Этот человек либо не умеет выражать свои чувства, либо не хочет этого делать. К тому же он умудрился пообещать все - и ничего конкретного. А другие письма от него сохранились?

- Еще три письма. Он в них даже просит все узнать, сколько стоит билет до Глазго, хочет ее скорее увидеть...

- Но...

- Не знаю. Больше писем не было. С середины сентября. Не исключено, что прабабушка не оставила их своей дочке.

- И что было дальше?

- А дальше вы представьте мою прабабушку: она совершенно одна, никому не нужна, в Новгороде. Денег нет или очень мало. Вернее всего, какие-то родственники у нее были только в Петербурге.

- А в Новгороде?

- Судя по семейным преданиям, в Новгороде жил ее бывший муж. Она убежала от него и стала сестрой милосердия. Возможно, она надеялась, что он примет ее обратно, но он, конечно же, не принял. Он был купцом и знать ее не хотел.

- Представляю, - сказала Лидочка.

- Вам не надоело?

- Что вы, мне очень интересно!

- Дальнейшие события объясняются в следующем письме. Написано оно через два года новгородской учительницей музыки Марией Мигаловской, женщиной пожилой, не очень здоровой, небогатой, но доброй. Все это видно из ее писем, написанных в течение 1907 года.

Слава протянул Лидочке письмо, написанное аккуратным летучим почерком на узких листках. Точно такой же почерк был у Лидочкиной бабушки - свидетельство прилежания на уроках чистописания, забытого в наши дни.

- Ничего пояснять я не буду, - сказал Слава. - Здесь все ясно. И почерк разборчивый. Только оно длинное - потерпите, пожалуйста.

- Не беспокойтесь, - остановила его Лидочка и принялась за чтение.

Новгород, 1907, 23 ноября

Многоуважаемая Булычева!

Простите и не удивляйтесь, что, не зная Вас лично, пишу Вам, но, дочитав до конца мое письмо, Вы поймете меня, что случай, а может быть, и промысел Божий указал мне именно на Вас.

Одна моя родственница, бывшая в Петербурге, совершенно случайно слышала, что Вы выражали желание взять себе на воспитание сиротку: это самое и дало мне мысль обратиться к Вам. Дело в том: однажды к моей прислуге пришла в гости женщина, которую и я раньше знала, некто Прасковья, пришла с хорошенькой маленькой девочкой лет двух. Я заинтересовалась ею, стала расспрашивать – оказалось, что она за тем именно и пришла, чтобы поговорить и посоветоваться относительно ее, и рассказала мне такую трогательную и печальную историю этого маленького существа, что я решила, насколько мне Бог поможет, постараться устроить судьбу этого бедного ребенка, брошенного своею бессердечной матерью. Женщина эта рассказала, что она служила в родильном доме прислугой, а сестра ее замужняя в виде заработка брала к себе из этого дома по желанию матерей на прокормление малюток, одного или двух.

Ее собственные дети были для них няньками, когда сама она уходила на работу, получали они по 3 руб. в месяц с каждого питомца, как люди простые и бедные, считали это для себя выгодным – многих они вырастили таким образом. Этот же бедный ребенок попал к ним при других обстоятельствах. Однажды в родильный дом явилась интеллигентная беременная особа и родила девочку. А затем через несколько времени тайно ушла оттуда, бросив малютку на произвол судьбы. Тогда служившая там Прасковья, движимая жалостью, просила разрешения взять ее к своей сестре в надежде разыскать мать и попросить ее платить им, сколько она может. По догадкам было известно, что эта особа имела здесь в городе место, была замужнею, но с мужем не жила. И действительно, вскоре она разыскала ее и переговорила с нею о ее ребенке, та согласилась платить, но через несколько времени перестала уплачивать за ее содержание. Тогда Прасковья опять отправилась к ней и получила такой ответ: что платить она не может и ей совсем не нужна эта дочь, и вообще она не желает даже слышать о ее существовании и хочет совсем забыть, что она есть на свете; и что если они желают, то пусть берут ее совсем себе или отдают куда хотят – одним словом, пусть делают с ее ребенком, что только хотят, но себе она ее ни в каком случае не возьмет. И если они вздумают возвратить ее ей, то (при этом она перекрестилась) она не ручается, что девочка будет жива.

После таких угроз они волей-неволей принуждены были оставить малютку у себя, но как люди бедные – им тяжело кормить лишнего ребенка, да и одевать ее надо, она растет, и ей уже два года. Один исход – отдать в приют, но они так привязаны к этой маленькой бедной девочке, что не отличают ее от собственных детей, и им поэтому жалко отдать ее туда, зная, как тяжело живется подобным созданиям в приютах. Им хотелось бы лучшей участи для своей любимицы. И при

том эти добрые, простые люди инстинктивно чувствуют, что это не деревенский ребенок, какие по большей части были у них раньше, для нее желательны другие условия жизни, и ей присуще получить какое-нибудь образование, которого они не в силах дать, и вот это-то заботит их. С этой целью она и к нам пришла, чтобы поговорить. Они решили искать кого-нибудь добрых людей, не возьмет ли ее кто вместо своего дитяти. И действительно, это милое, прелестное дитя: светлая шатенка с большими синими глазками, с длинными ресницами, правильными бровками, беленькая, розовенькая, и что всего удивительнее – в высшей степени кроткая. Я часто прошу приносить ее к себе и ни разу не видела ее плачущей или капризною, точно чувствует, что надо быть ей терпеливою, и один Бог знает, какая участь ждет ее в будущем. Когда я вижу эту изящную девчурку – невольно возникает вопрос: ужасное ли бессердечие матери заставило бросить такого ребенка, или уже чересчур непреодолимые жизненные условия?

Мы сами люди бездетные и, будучи в других условиях, несомненно, оставили бы и приютили эту крошку у себя. Но, к сожалению, мы пожилые и оба с мужем болезненные, и притом с чрезвычайно ограниченными средствами в жизни, и ко всему этому совершенно не обеспеченные в старости. Следовательно, в непродолжительном бы времени оставили бы ее опять одинокою, брошенную на произвол судьбы. Вот, многоуважаемая мадам Булычева, теперь Вы не удивляйтесь, что, когда я рассказывала всю эту историю своей родственнице, она вспомнила о случайно слышанном Вашем желании и сказала мне Ваш адрес. Она очень хвалила Вас, и если ей придется быть в Петербурге и представится случай – она может сама передать все относительно этой малютки, так как видела ее.

Если Вы действительно имеете намерение взять себе на воспитание девочку, то, несомненно, пожелаете повидать ее и, может быть, захотите приехать сюда – это так недалеко, – я посылаю Вам свой адрес. С Вами я могу съездить к этой женщине или можно будет послать за нею. Если же приехать Вам неудобно, то эта женщина может привезти ее к Вам, если Вы согласитесь уплатить ей дорогу туда и обратно, хотя бы по приезде ее к Вам. Бумаги, т. е. метрическое свидетельство, находятся у них. Все эти условия будут зависеть только от Вашего желания. Если же Вы раздумали или уже взяли себе на воспитание кого, то простите великодушно за мое длинное письмо и будьте так добры и любезны ответьте мне хоть коротеньким письмом, я буду очень, очень ждать Вашего ответа.

Мария Мигаловская

Адрес:

Новгород, набережная Федоровского ручья, дом Жеребковой № 29-й

Марии Васильевне Мигаловской, учительнице музыки.

– А вот и записка от моей прабабушки доброй женщине Авдотье. – Слава протянул Лидочке еще один желтоватый листок.

Диссонанс с письмом учительницы музыки был столь очевиден, что не так было важно содержание, как тон, как голос, слышный за словами.

Записка от Юлии Александровны без даты начиналась словами: «Милая Авдотья, я не ребенок, и меня не запугаешь полицией». Дальше шли жалобы на свою жизнь и сложные денежные расчеты, из чего Лидочка поняла, что деньги Юлия Александровна посылала скупой, зато придумала план, по которому она платила бы Авдотье сто рублей частями, а та обязывалась воспитывать Машеньку до двадцати одного года. Вряд ли беглая мать сама верила в такой план, тем более что из ста рублей пока что она выслала всего лишь четыре. И в заключение мать высказывала угрозу, которая, видно, и повергла в отчаяние простых новгородских женщин: «Если вздумаешь мне ее вернуть, посылай как знаешь, мне нет времени за ней ездить. А когда она попадет в Петербург, я ее сейчас же отдам в чухонскую деревню, потому что я не могу терять из-за нее места, а чухонцы берут детей очень дешево. А если вы любите Маню, то не захотите ей такого дурного».

Лидочка отложила последний листок.

– Чухонцы – это эстонцы? – спросил Слава.

– Если не ошибаюсь, ингерманландцы, финское племя, жившее на перешейке. И чем же все кончилось?

– Булычевы согласились приехать в Новгород. Девочка приемной матери понравилась, и после нескольких недель переговоров они ее удочерили.

– А мать?

– Бабушка говорила, что видела ее один раз. Они с приемной мамой ездили к ней за какими-то документами, нужными для поступления в Институт благородных девиц. Что-то в связи с потомственным дворянством Юлии Александровны. Бабушка говорила, что ее настоящая мама показалась ей красавицей и очень богатой. Но что не покажется в шесть лет?

– И она пропала?

– Пропала. Если она вышла замуж, то сменила фамилию... Она никогда не пыталась отыскать свою дочь.

– А это было реально?

– Бабушкин приемный отец преподавал фехтование в первом кадетском корпусе. А потом, в десятом году, его назначили воинским начальником в город Опочку. Бабушка помнит этот город. Она прожила там два года, а потом была отправлена в Петербург, в Екатерининский институт на казенный кошт как дочь полковника гвардии. В Опочке Михаил Иванович прожил до конца 1913 года, когда получил новое назначение – с повышением, воинским начальником в город Могилев. Но по приезду в Могилев он умер от гнойного аппендицита.

– Вам повезло, – заметила Лидочка.

– Я тоже думаю, что нам повезло, – согласился Слава. – Через полгода началась мировая война, и в Могилеве расположилась царская ставка. А так как бабушкина приемная мать Евгения Николаевна возвратилась в Петербург, бабушка еще несколько лет проучилась в Институте благородных девиц. Она рассказывала, что после Октябрьской революции институт сразу не закрыли, а слили почему-то с кадетским корпусом. Всю зиму восемнадцатого года в холодных дортуарах сосуществовали кадеты и институтки. Младшие классы убирали комнаты, готовили уроки и таскали дрова, а старшие девочки и кадеты занимались любовью. Весной восемнадцатого года весь институт, а также кадетский корпус погрузили в теплушки и отправили на юг, чтобы там чуждые по классу дети кормились, не отнимая пайку у пролетариата. По дороге на поезд напали грабители – что это были за грабители, никто не знает. Всех детей убили. Бабушка осталась жива, потому что Евгения Николаевна ее на юг не

отпустила. Они прожили всю гражданскую войну в Питере, перебиваясь кое-как. А потом Евгения Николаевна умерла. Бабушка училась в трудовой школе на Васильевском острове, в ее друзьях оказались будущие великие российские теннисистки. Им тогда было лет по пятнадцать. Девочки трудились на кортах спарринг-партнершами – значит в двадцатом году было кому играть в теннис в революционном Петрограде. После двадцати первого появились нэпманы – и девочки начали неплохо зарабатывать. Другие девушки – Иванова, Теплякова, Ольсен – стали профессионалками, мастерами, чемпионками, а бабушка, не столь талантливая, пошла работать на фабрику Хаммера. Тот тогда устроил у нас фабрику карандашей. Он делал карандаши и получал в оплату от правительства картины великих художников. И стал самым богатым другом страны Советов. Когда-нибудь, будет настроение, расскажу вам о дедушке, папе, маме и других героях моего романа. Но сейчас вас интересует только мой прадедуска. Август Кармайл, проживавший в Глазго в 1905 году. Вы не курите?

Лидочка ответила не сразу – слишком резок был переход к вопросу.

– Нет, спасибо.

– А я закурю. Я так редко курю, сигарету в три дня, но когда волнуюсь, то начинаю курить, как в юности.

Слава протянул длинную руку к каминной полке и взял с нее пачку сигарет и зажигалку. Закурил.

Лидочка посмотрела на часы. Одиннадцать. Пригород Пендж-хауз, одна из многих деревень, составляющих Большой Лондон, улегся спать. Взошла луна и красиво устроилась на синем фоне за стеклянной стеной в сад.

ГЛАВА ПЯТАЯ

«Господи, – подумала Лидочка, – сегодня утром я прощалась в Шереметьеве с Андрюшей, а сейчас я разделена с Москвой не только тысячами километров, но и какими-то непроходимыми завалами событий и разговоров. Ведь я даже не позвонила домой, чтобы сообщить, что нормально долетела. Впрочем, меня

можно понять: неприятно, если счет за разговоры придет хозяину дома, но неизвестно, каким образом оставить ему деньги».

И в этот момент Андрей в Москве, видно, высчитал, что в Лондоне наступил вечер и можно туда позвонить.

- Ты ошибся часа на два, - сказала Лидочка, прикрывая горсткой трубку, чтобы не разбудить краснодарских родственников. - У нас уже наступила сельская ночь.

- Прости, - сказал Андрей. - А я, дурак, сидел, клевал носом, но полагал, что ты еще не вернулась из оперы.

- Спасибо, что возлагаешь такие надежды на меня и моих поклонников, - засмеялась Лидочка. - Что нового в Москве?

- В Москве нет ничего нового, надвигается безумная жара, разбился еще один самолет и обнаружены новые козни международного сионизма.

- А именно?

- Землетрясение в Гватемале.

- Типичный масонский заговор, - согласилась Лидочка. - В институте был?

Они поговорили еще минут десять. Андрей тоже говорил вполголоса, приглушенно, словно боялся разбудить весь Лондон.

Повесив трубку, Лидочка возвратилась в кабинет Славы. Слава стоял на фоне синего неба и курил. Он быстро оглянулся.

- Это был муж? - спросил он ревниво.

- Муж.

- Вы пойдете спать?

Лидочка чуть было не ответила, что ее муж далеко, в Москве, так что можно не устраивать сцен ревности.

– Я хотела бы дослушать вашу историю, – сказала она, допустив в голосе заискивающие нотки.

– В самом деле?

Слава был рад. Он заполучил слушательницу обратно. Приоткрыв пошире стеклянную дверь, он выкинул окурок – тот полетел на фоне темного неба оранжевой кометой.

– Впрочем, – сказал Слава, оборачиваясь к Лидочке и почесывая основание бородки, – дальнейшая история, как ни странно, куда менее романтична. В ней нет оркестра голосов, несчастной крошки и жестокой матери.

– А что же есть?

– Совпадение. Чистой воды совпадение, которое и служит орудием рока. Я по специальности ихтиолог. Специалист по болезням рыб. Когда-то я поступил в рыбный институт, потому что там не было конкурса для москвичей. А теперь это модная и полезная профессия из породы международных. У меня было больше друзей в разных странах мира, чем в Союзе. Так что нет ничего удивительного в том, что шесть лет назад Европейский конгресс ихтиологов собрался в Глазго. Глазго ничем не хуже других городов, а глубокой осенью гостиницы там пустуют.

– И вы, собираясь в Глазго, подумали, а не захватить ли мне письма?

– Но ведь любопытно! Вы на моем месте поступили бы так же.

– Без сомнения.

– Вот я и захватил документы. Языком я владею прилично, бабушка всегда заботилась об этом, даже на свою пенсию нанимала мне учителей. Я-то не знал почему. Кстати, никаких способностей к английскому у меня нет. А шотландцев я вообще очень плохо понимаю. Я рассказал о бабушке одному английскому

коллеге, и он, как и бывает с горячими сердцем англичанами, загорелся моей историей. Больше того, получилось так, что мы отправились на Харви-стрит втроем – Дик Николсон потащил с собой школьного приятеля, корреспондента местной газеты. Перед походом мы посидели в пабе, как следует накачались, не безобразно, но душевно. И пошли. Улица оказалась бесцветная, старая, умеренно дряхлая. И дома на ней были небогатыми. Мы постучали в дом номер три, нам открыла молодая негритянка, которая жила там с мужем и детьми. Разумеется, она не имела представления о том, кто здесь жил раньше и когда уехал. Кофе поставить?

– Нет, спасибо.

Лидочка уже начала привыкать к неожиданным поворотам ума Славы и перестала пугаться внезапных вопросов.

– Тогда у журналиста возникла идея пойти в местную церковь. Там должны быть приходские книги. Кто когда родился, кто женился и так далее. Священника в тот день почему-то не было, в церковный архив мы не заглянули, но, честно говоря, я не очень скорбел. Уж слишком все это было от меня далеко. Понимаете?

– Понимаю, – кивнула Лидочка.

– За день до закрытия конгресса тот журналист подошел ко мне и сказал, что все-таки отыскал какие-то книги в мэрии и узнал, что семейство Кармайклов во главе с мистером Дунканом Кармайклом, которому и принадлежал дом номер три и который приходился Августу отцом, а мне – прапрадедушкой, покинул дом в 1909 году и адреса не оставил. Я поблагодарил журналиста и моего друга Дика, поклявшегося, что он дела не оставит. Он заберется в Лондоне в Дом св. Екатерины – это что-то вроде центрального архива – и попытается все узнать... Ну спасибо, сказал я ему, большое спасибо, только ты себя не утруждай. И с тем вернулся в Москву.

Слава снова закурил. Слышно было, как невысоко идет самолет. Лидочка посмотрела в сторону, откуда доносился пчелиный звук, и увидела движущиеся точки огней на концах крыльев.

– Прошел год, – продолжил свой рассказ Слава. – Я получил письмо от Дика. Он сообщил мне, что отыскал следы мистера Августа Кармайкла. Этот самый Август был журналистом. Он представлял в Порт-Артуре знаменитую газету «Таймс», был легко ранен и даже лежал там в госпитале.

– Ага, – сказала Лидочка, – мы знакомимся с прекрасной сестрой милосердия.

– Ваше открытие лежит на поверхности, – сказал Слава. – Впрочем, вы правы. По возвращении в Глазго Август работал журналистом, много ездил, но в Россию больше не попал. Был обручен с какой-то леди, но свадьба расстроилась. У него был младший брат, намного моложе его. Этот брат пошел в промышленность и торговлю. Он даже держал магазин на паях с братом. Август погиб во время итало-абиссинской войны в 1936 году. Брат же и две его дочери продолжали умножать общее состояние. Пока не умерли тоже. Почти все, кроме последней из дочерей, которая младше моей бабушки лет на десять. Мой Дик отыскал эту старую леди, которой было уже за восемьдесят. И представляете: она знала о существовании моей бабушки, но была убеждена, что ни один порядочный человек не смог бы выжить в революционной России. Оказывается, Август всю жизнь вспоминал о Юле и мечтал о встрече с дочкой... вполне абстрактно. И тут появляюсь я!

– Ваша двоюродная бабушка была растрогана!

– Она была не растрогана. Она попросила меня приехать в Эдинбург, где на покое доживала свои дни. И привезти с собой мою бабушку, ее кузину. Мы совершили путешествие в Шотландию. Нам повезло, еще десять лет назад мы бы сделали вид, что у нас нет родственников за границей, а сейчас уезжали, окруженные завистливым шепотом сослуживцев и родственников – вот повезло людям!

– И оказалось, – не удержалась Лидочка, – что по завещанию бабушки вам отписали некую сумму.

Лидочка обвела рукой пространство, как бы показывая, во что материализовалось наследство.

– Не терпится подсказать? – улыбнулся Слава. – Вы почти правы. Но оказалось, что все не так просто. На наследство бабушки претендовали ее местные

родственники, и нам можно было рассчитывать только на дедушкин портрет и двадцать фунтов в облигациях. Однако, хоть в это и трудно поверить, Август Кармайкл завещал дочери и ее потомкам, если таковые объявятся, свою долю в деле брата. Поэтому мы получили наследство. И бабушка Агата сумела оформить все дела. Без ее помощи нас бы утопили местные юристы. Бабушка умерла-то всего два года назад. Я имею в виду бабушку Агату. А моя бабушка – та трогательная шатенка Маша, которую бросили в родильном доме, умерла с ней почти одновременно. Вот и вся история.

Лидочка кивнула. Конечно, ей хотелось бы узнать, а каково наследство, полученное Славой. Но это было бы нетактичным. Ведь он не торопился сообщить. Впрочем, подумала Лидочка, можно приблизительно вычислить: стоимость подобного дома она уже знала, когда готовилась к поездке в Москве и просматривала торговые каталоги – где-то около ста пятидесяти тысяч фунтов стерлингов. И еще нужны деньги, чтобы жить, а судя по всему, Слава не спешил возвращаться домой. Значит, удвоим сумму. Значительное состояние.

Слава молчал и смотрел на Лидочку испытующе, словно ждал вопросов и даже готов был на них отвечать или объяснять, почему ответить не сможет. Но Лидочка вопросов не задавала.

– Ну? – не выдержал Слава и постарался подтолкнуть Лидочку к вопросам.

Она поняла, в чем дело, и спросила:

– И вы решили здесь жить?

– Это очевидно, – ответил Слава. – В Москве мне все надоело. Мне надоело жить в продажном бардаке среди преступников и взяточников. Но еще больше мне надоело ждать, когда к власти вернуться коммунисты и все отберут, а меня сошлют в Сибирь за родственную связь с иностранцами.

– Вы много курите, – сказала Лидочка. Обычно она не вмешивалась в мужские дела – каждый курит и пьет, как ему нравится. Но вдруг ей показалось, что Слава жутко одинок. Он и в Москве был не очень общителен и окружен друзьями, но там была налаженная, хоть и неладная жизнь. Здесь же он попал в благополучную ссылку. И совершенно не представляет, что ему с самим собой делать? Выписать дочку? Выписал. Дочка хамит и мстит папе за свое

неустроенное детство и за мамины воображаемые обиды. Допустить в дом краснодарских родственников? А как от них избавиться? И уж совсем глупо по настоянию мамы сдать комнату московской даме за деньги, в сущности, ничтожные, и не тебе, а маме нужные. И потому ты начинаешь искать в этой даме собеседника и почти близкого человека. Выворачиваешь душу и боишься нарваться на холодность или равнодушие. Или снова на корысть? Потому слова Лидочки о курении были знаком внимания.

- Ничего, - сказал Слава, но сигарету погасил.

- И вы стали здесь жить?

- Бабушка Агата имела потрясающие связи в Министерстве внутренних дел. Вы не представляете! Я получил вид на жительство, а потом и гражданство, как ценный иностранец, с одной стороны, и как почти шотландец - с другой. Так что я теперь исправно плачу налоги.

- Ваша бабушка и родственники... они жили в этом доме?

- Ничего подобного. У них был дом возле Эдинбурга. Больше этого, среди газонов и лужаек. На что он советскому ихтиологу?

Лидочка кивнула. И в самом деле - зачем такой дом советскому ихтиологу? Он и с этим управиться не может.

- Вы сами убираете этот дом?

- Мы все, по очереди.

- А к осени все разъедутся?

Слава резко обернулся к ней. Лидочку пугали такие резкие движения, ей казалось, что Славинины кости могут разлететься в разные стороны.

- Вот в этом и вся проблема! - воскликнул он. - В этом вся чертова проблема! Мне хотелось бы, чтобы Иришка осталась здесь и получила хорошее образование.

- Не поздно?

- По сути дела, Иришка легко вписывается в эти обстоятельства. У нее уже свои приятели, свои тайны, своя отторженность от меня. Но я боюсь, что Алла будет категорически против.

- Но они живут отдельно?

- Для Аллы это ничего не значит. Могу поручиться, что она об этом уже забыла. Она сразу сообщит нам, что мечтает воссоединиться с ребенком, и увезет Иришку... Мне назло.

Лидочка не стала задавать вопросов. Но для Славы эта проблема была болезненной, и ему надо было выговориться.

- Я все-таки сделаю кофе, - сказал Слава. - Это недолго.

- Тогда уж я займусь этим сама, - предложила Лидочка.

- Кофе - прерогатива мужчин, - возразил Слава.

В результате они пошли на кухню вдвоем, и на кухне Лидочка готовила кофе. Слава стоял за спиной. Он уже не мог остановиться: ведь, в сущности, соловью все равно, где петь, он не слышит никого, кроме себя.

Правда, информации в этом монологе было немного. Лидочка лишь поняла, что Алла выходила замуж, разошлась вновь, живет сама по себе, выслеживает выгодного мужа. Ребенок ей не нужен, и существование Марксины Ильиничны для нее выгодно. Но никто не должен говорить, что ребенка сдали бабушке из заботы о собственном удобстве. Аллина версия звучала так: «Бабушка мне иногда помогает с Иришкой, а я их обеих кормлю».

Денег Алла зарабатывала немного. Она числилась младшим научным сотрудником в каком-то прикладном институте. Мужиков там было много, но достойных всех уже разобрали. А Иришка переживает, ей хочется к маме, маме она готова все прощать, и потом виноватыми оказываются окружающие. Включая бабушку, которая уже столько лет кормит, обстирывает и опекает

внучку, и кончая Славой, который хапнул столько денег, а маме не может помочь.

Слава говорил, а Лидочка все ждала, когда же он ответит на этот самый главный Иришкин вопрос – а почему бы не помочь ее несчастной мамочке?

И чем дольше говорил Слава, тем яснее становилось, что он питает весьма сложные чувства к бывшей жене, которая его унизила, бросив ради кого-то недостойного. Слава был рад, что недостойный, в свою очередь, оставил Аллу, он был рад, что Алла так и не отыскала себе замену по вкусу. А может быть, не так много этих замен осталось? Главное, Слава оставался к бывшей жене равнодушен, но не настолько, чтобы бросить богатство к ее ногам. Он готов был облагодетельствовать краснодарских Кошек, выписать дочку, но Алла должна была пройти ради этого некий путь унижения, о котором в монологе не говорилось, но который подразумевался. И Лидочка заподозрила, что Алла уже пошла навстречу мужу. Меняем гордость на жилплощадь в Лондоне! Иначе трудно объяснить, почему при всех сложностях отношений она собирается через месяц сюда явиться, о чем говорила Марксина Ильинична. И вряд ли приезд ее мог состояться в тайне от Славы.

Было совсем поздно, а Кошко принялся рассказывать о местной жизни, медицинском обслуживании, о том, как местные врачи пытаются ограбить обывателя. Лидочка сказала, что хотела бы найти хорошего агента по продаже недвижимости. Слава обещал позвонить с утра Гриффитсу, через которого он приобрел этот дом.

Так кончился слишком длинный день.

Лидочке хотелось спать, и Кошко вовремя напомнил, что в Москве уже четвертый час.

– Я вас замучил, – сообщил Слава, провожая Лидочку по лестнице наверх. Дверь к Иришке была приоткрыта, горела настольная лампа, Иришка читала. При звуке шагов она подняла голову и сквозь щель уставилась на Лидочку.

Лидочка обернулась к Славе.

– Спокойной ночи, – сказала она. – Мне было очень интересно.

– Мы продолжим завтра, – сказал Слава. – Мне еще многое хочется вам рассказать.

Иришка нарочно уронила книжку на пол.

– Она не спит! – Слава смутился.

Лидочка пошла к себе.

Потом она приняла душ, переоделась на ночь.

Но, видно, слишком давно не спала, организм запутался – когда спать, а когда бодрствовать.

Она лежала и слушала английскую ночь. Окно было открыто, но комаров, слава Богу, не было.

Опять пролетел самолет.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Лидочка решила вытерпеть общество Славы, который вызвался с утра сопровождать ее к агенту по продаже недвижимости. Иришка, спустившаяся к завтраку, когда краснодарские родственники уже умчались на распродажу, а Слава с Лидочкой как раз вставали из-за стола, даже не поздоровалась, но посмотрела на отца выразительным взглядом революционерки. Она ждала, что папа станет спрашивать о причинах ее дурного настроения, но тот, как назло, крутился вокруг Лидочки, не скрывая заинтересованности ее делами. Что, разумеется, не улучшило настроения Иришки. И тогда Иришка кинулась в коридор и стала набирать длинный междугородный номер.

– Мама! – закричала она в тот момент, когда Лидочка подошла к входной двери и ждала, пока Слава ее отопрет. – Как, я тебя разбудила? Какие семь часов? Это я, Ирина! У нас? У нас ничего не случилось. Просто я хотела услышать твой голос.

Ну хорошо, хорошо, спи!

Иришка шмякнула трубкой о рычаг.

Вторая демонстрация тоже не удалась.

– Видите ли, – крикнула Иришка вслед взрослым, – она еще поживает!

В ее устах слово «поживает» прозвучало как бранное.

Лидочка понимала, каково быть преданной всеми. Особенно если папа прыгает вокруг этой московской штучки, как вокруг шемаханской царицы.

Но Слава был так возбужден утренним походом, что не заметил дочернего бунта.

Они вышли на Сиднем-роуд. За гастрономом «Сэйфуэй» среди небольших магазинчиков затерялось агентство «Гриффитс». Внутри была длинная комната, уходящая в глубь дома, в которой помещалось два стола, а на стенах висели фотографии домов.

Из-за ближайшего стола поднялся молодой человек лет тридцати, высокого роста, похожий на теннисиста Горана Иванишевича. При виде Славы на его лице возникла радостная улыбка.

– Доброе утро! – воскликнул он. – Надеюсь, вы всем довольны, здоровы и намерены купить еще один дом?

– Я привел вам новую клиентку, – сообщил Слава. Он представил молодого человека как Брайана, человека честного, работающего и большого эксперта по женщинам.

– А это при чем? – удивилась Лидочка.

– Это касается вас, – пояснил Брайан. – В этом нет ничего дурного. Наконец-то я понял, на чем зиждется репутация русских женщин.

– Спасибо, – сказала Лидочка. – Могу ли я теперь рассказать вам, зачем я приехала в Лондон?

– Разумеется, – смутился Брайан, чувствительный к собственным легкомысленным поступкам. Он ничего не мог с собой поделать, потому что его язык умудрялся произносить фразу раньше, чем разум Брайана осознавал, что там несет проклятый язык.

Брайан призвал из соседней комнаты крупную негритянку с грубыми, почти карикатурными чертами лица и такими умными и добрыми глазами, что она походила на сенбернара. Негритянку звали Валери, и она командовала картотекой, в изучение которой и погрузились присутствующие. Лидочка старалась прогнать Славу, полагая, что у него могут оказаться собственные дела, но дел не оказалось.

Проблема была непростой.

Лидочке нужно было отыскать в этом районе скромного размера дом, второй этаж которого можно употребить под жилье – там должны были быть три спальни и кабинет. Внизу Лидочке было нужно служебное помещение, а сзади кухня и столовая для тех, кто будет там жить и работать.

– Как вы намерены платить? – спросил Брайан.

– У меня есть аккредитивы.

– В пределах какой суммы? – Брайан забыл о своем легкомыслии.

– А какова будет сумма?

Лидочка приехала в Лондон, предварительно изучив несколько журналов и газет по недвижимости; но ей не хотелось проявлять свою осведомленность.

– Трудно сказать, – осторожно ответила Валери. – Начнем со ста тысяч. Вас интересует деловая улица или жилой район?

– Я еще не знаю.

– Очевидно, вам придется приобрести жилой дом, а потом переделать его в контору. И это будет недешево.

– Знаю, – сказала Лидочка. – Мы к этому готовы.

Чтобы не терять времени, Валери предложила сразу же проехать по двум-трем адресам по соседству. Слава не отставал, словно сам покупал этот дом. Негритянка пошла за машиной, которая стояла где-то во дворе. Слава спросил Лидочку:

– А какую фирму вы представляете?

– Фирму «Хронос». Это вам ничего не скажет.

– Вы торгуете?

– Нет, – односложно ответила Лидочка.

Отрицание было окончательным – даже глухой бы услышал. Слава не услышал, он чувствовал себя своим человеком, почти родственником.

– Тогда зачем вам свой офис в Лондоне?

– Это сложно, – сказала Лидочка. – Я вам потом объясню.

Они побывали в двух домах, которые могли бы и подойти, но Лидочке не понравились, и договорились с Валери, что снова приедут завтра.

Валери довезла их до «Сэйфуэя», потому что они хотели кое-что купить. Слава отправился в винный отдел, решив, что вечером они отметят приезд Лидочки. Лидочка взяла сумку и пошла между полками. Конечно, после московских магазинов ходить по лондонским приятно и интересно. Но Лидочку уже несколько смущала готовность остальных обитателей дома позволить ей покупать продукты и готовить еду. Надо было как-то выпутываться из этой ситуации. Но так как пока что Лидочка не представляла, как это сделать, она покорно наполняла корзину снедью. Слава ждал ее за кассами, держа пакет, в

котором покачивалась бутылка вина.

– Вы слишком много всего купили, – заметил он, не предложив войти в долю. – Как потащите? Надо было нам отложить покупки, я бы взял машину и все довез.

Он был расстроен тем, что не взял машину, но нес лишь сумку с бутылкой вина, позволив Лидочке волочить все остальное.

По мелким штрихам в поведении, по оброненным словам Лидочка уже подозревала, что Слава – человек бережливый, может быть, даже скупой. Теперь она убеждалась в этом все более. Но скупость его была не осознанной, не расчетливой, а примитивной, стихийной. И вот сейчас он был горд собой за то, что дешево купил хорошее австралийское вино, и всю дорогу до дома рассказывал Лидочке об австралийских и калифорнийских винах, о том, как они вытесняют – и заслуженно! – с рынка французов и немцев и как низко котируются вина советские – грузинские и молдавские.

Когда они пришли домой, Слава отправился в ванную.

Дома никого не было. Лидочка разобрала на кухне покупки, ставя что-то в холодильник, а что-то на полки. И тут зазвонил телефон. Он звонил не по-нашему, сдвоенными гудками.

– Возьмите трубку, – крикнул сверху из ванной Слава. – Если меня, пусть перезвонят.

Лидочка подняла трубку. Голос был низкий, хрипловатый. В молодости такие голоса звучат сексуально, но плебейски. К пожилым годам, если повезет, они превращаются в светское урчание.

– Это дом Кошко? – спросила женщина в ответ на английское «хэллоу», произнесенное Лидочкой.

– Да, это дом Вячеслава Андреевича, – сказала Лидочка.

– Это ты, что ли, Валентина?

- Нет, я Лидия Кирилловна.

- Которая вчера прилетела? С приездом. А я - Алла, жена Славика. Слышали?

- Конечно, слышала.

- А где мое сокровище?

- Вячеслав Андреевич?

- Разумеется, нет. Я имею в виду Иришку. Она меня сегодня на рассвете вырвала из постели. Я в двенадцать встаю. Я - ночная птица. Филин. У вас там ничего не случилось?

- Я прилетела вчера утром, - сказала Лидочка. - С тех пор не произошло ничего достойного внимания. А Иришки дома нет.

- А почему никого раньше не было?

- Мы с Вячеславом ходили к агенту по покупке недвижимости, он мне помогал.

- Тоже родственников нашла?

- Нет, я по делам фирмы.

- Значит, ничего особенного. Позови Славика.

- Он в ванной.

- Пора мне приезжать, - сказала Алла и закашлялась, слишком глубоко затянувшись сигаретой. - Вы там без меня совсем распустились. Ты его у меня уведешь.

- Не уведу, - сухо ответила Лидочка.

– Ой, не зарекайся! Миллионеры всем нужны. Ведь не исключено, что и я его снова подберу. Так что остерегайся. Да и дочь моя разврату не допустит. Понимаешь?

Алла засмеялась.

– Вот я приеду, – продолжала она, – возьмусь за вас. Чтобы был у меня монастырь совместного проживания полов.

Она снова засмеялась, громко и неприятно.

– Жди, приеду, как пишут в открытках. Я билеты заказала на двенадцатое. Через восемь дней, запомнила?

– Хорошо, я передам.

– Не надо, они все знают. Это для твоей информации, Лидия. Чтобы не тешила себя иллюзиями.

– Приезжайте, – повторила Лидочка и положила трубку.

Чувство от разговора осталось поганое, будто поймали в постели с чужим и ненужным мужем.

– У меня свой есть, получше твоего, – сообщила Лидочка телефону.

Дверь распахнулась, и ворвались Кошки, розовые, распаренные.

– Ну и жара! – заявил Василий.

– Парит, к дождю, наверное, – подхватила Валентина.

Лидочка жары не заметила. Правда, она не бегала по улицам из магазина в магазин.

Впрочем, она ошиблась. Кошки были не в магазине. Они ездили за три остановки на электричке в Бромли, где возле станции есть безумно дешевый магазин общества помощи слепым. Оттуда они притащили остатки сервиза – две чашки, четыре блюда и чайник: все вместе за фунт! Вы представляете? А Валентина купила тяжеленную монографию «Импрессионисты». В подарок Иришке, такую ведь в самолет с собой не возьмешь. Вот будем уезжать, подарим Иришке, ей полезно, и надо же что-то хорошее сделать для девочки! Она такая одинокая! А это детское белье – совершенные гроши, но новое. У нас бы никогда не выкинули!

Все это раскладывалось на круглом столе в столовой, и каждой вещью положено было восхищаться, как особенно большим белым грибом, принесенным из леса.

Потом Кошки отодвинули добычу в сторону, а на освободившейся части стола решили пить чай. Лидочке не хотелось пить чай с ними, наверное, потому, что вещам не следовало лежать на столе. Тут сверху спустился Слава. Но слушать рассказы родственников об утреннем набеге не стал. Они к этому уже привыкли и смирились с равнодушием.

Лидочка пошла к себе. После обеда Валери обещала за ней заехать, чтобы поглядеть дома подальше, куда пешком не дойдешь.

Лидочка распахнула окно. Снаружи тек теплый, уютный воздух, располагавший к неге. Странно, что кто-то здесь может работать. В листве щебетали птицы, серая белка бежала по забору. Снизу по траве кралась кошка, караулила белку.

Теплый воздух заполнял комнату истомой. Если бы Лидочка была дома, сейчас разделась бы догола и забот не знала. Здесь же надо помнить о том, что ты жиличка. Даже в гостинице лучше – никто не посягнет на твое одиночество.

Тело все еще никак не могло решить, когда спать, а когда бодрствовать. Лидочка сбросила платье, накинула халатик и улеглась на кровать.

Клонило ко сну.

Лидочке казалось, что она думает о чем-то важном, на самом деле она благополучно задремала и не слышала, как в приоткрытую дверь заглянул Вячеслав Андреевич.

Он долго стоял в дверях, разглядывая квартирантку.

И если бы в тот момент он попытался разобраться в своих чувствах, то скорее всего они были сродни тем, что испытывает немолодой любитель женщин, разглядывающий легкомысленную иллюстрацию в эротическом журнале. Ведь Лидочка не подозревала, что халатик ее распахнулся, обнажив ноги, а расстегнувшиеся на груди пуговицы также позволяли Славе увидеть больше, чем того хотела бы Лидочка.

Слава не смел войти в комнату. Сиеста разогнала всех по спальням. Он прислушивался не только ушами, но и затылком, не выйдет ли из комнаты Иришка, не поднимаются ли по какой-нибудь надобности родственники.

Никто не появлялся. В доме было совсем тихо.

Приблизиться к Лидочке было опасно – она могла ложно истолковать его движение. Ведь знакомы они чуть больше суток, и пока что Слава никак не проявлял интереса к гостье. Она тем более об этом не думала.

Лидочка повернулась на спину и предстала взорам истосковавшегося по российским женщинам Славы почти совсем обнаженной. И это подвигло его на движение. Он сделал шаг вперед, еще один. Ему показалось совершенно обязательным – иначе погибнешь от неисполненного желания – дотронуться до ноги Лидочки, обыкновенной ноги, хорошей формы, прямой, но не очень длинной. И грудь ее, выпавшая из съехавшего лифчика, была умеренной величины и не столь упругой, как у восемнадцатилетней девушки, но полной, насыщенной, влекущей...

Слава двинулся в комнату.

Это было долгое и томительное путешествие.

Жара стояла несусветная, вернее, Славе казалось, что жара стоит несусветная, какой еще не было на Британских островах со времен Вильгельма Завоевателя. Слава вспотел, особенно мокрыми стали ладони, он вытирал их о рубашку, но старался делать это тихо, чтобы не разбудить Лидочку, – он привык к тому, что женщины относились к нему в лучшем случае снисходительно или вообще

пренебрегали им. Лидочка была не такая, она внимательно отнеслась к его проблемам и не избегала его. Она была милая.

Он же ничего плохого сделать не хочет, ему надо только разглядеть Лидочку поближе, впитать в себя ее образ, ее незащищенность, доверчивость. Ему виден сосок ее правой груди, но для того, чтобы как следует разглядеть это маленькое круглое нежное чудо, следует нагнуться над ней и, если Бог позволит, то чуть-чуть, совсем чуть-чуть отодвинуть край лифчика, чтобы полюбоваться совсем бескорыстно, как любят картину Левитана, нет, лучше как любят «Данаей», впитывая глазами нежность и совершенство женского тела.

Он сделал один шаг, второй, он приблизился к кровати, на которой, раскидавшись во сне, спала Лидочка. Теперь предстоял самый трудный и рискованный шаг – надо было наклониться над ней и чуть-чуть, вот именно чуть-чуть, сдвинуть лифчик.

Он не успел наклониться. В тот момент он был настолько возбужден, что не услышал, как за его спиной в дверях появилась Иришка, которая, разумеется, ложно истолковала побуждения отца, скажем, вообразив их куда более фривольными, чем они были на самом деле.

– Дождался бы ночи, фазер! – сказала она от двери спокойным и злым голосом.

Слава резко выпрямился и сразу же отступил на два шага.

Так что в результате оклик дочери спас его от куда большего конфуза.

Когда Лидочка открыла глаза, она увидела вполне безобидную диспозицию: папа Кошко стоял у дверей, обернувшись к дочери, стоявшей на шаг позади.

Зачем они зашли в комнату, Лидочка не сообразила, потому что не знала порядков в доме. Она даже подумала спросонья, что Славе надо было что-то достать из шкафа в ее комнате, а Иришка стояла и ждала, когда он это что-то достанет.

– Что такое? – спросила она, садясь и инстинктивно запахивая на груди халатик.

- Опоздала, – сообщила Иришка и ушла к себе.

- Что она сказала? – спросила Лидочка.

- А? Что? Нет, ничего особенного, – странно ответил Слава и тоже ушел.

Лидочка улеглась и вскоре вновь задремала.

* * *

На следующий день произошло два события, достойных внимания.

Во-первых, за Иришкой заехал ее приятель, воспитанный мальчик с громадной шапкой курчавых волос и гладким, доверчивым лицом. Мальчик приехал, когда в доме шел поздний завтрак, и проспавшая все на свете Иришка побежала наверх переодеваться, а Роберта запустила в столовую, чтобы Слава напоил его кофе.

Мальчику было лет шестнадцать-семнадцать, а когда они с Иришкой убежали, Слава объяснил Лидочке, что Роберт – полукровка. Отец его работал раньше в Болгарии, женился там на молоденькой болгарке и вывез ее в тихий заповедник Вудфорд-роуд. Он вышел на пенсию и на досуге ремонтирует машины, часто бесплатно, по знакомству. У Роберта есть младшая сестренка Джил, ей всего двенадцать лет. А их мать, Снежана, женщина относительно молодая, преподает в школе русский язык, так как знание болгарского в центре Англии не требуется. Слава сказал, что, с одной стороны, он не возражает против этого знакомства – лучше соседи, чем неизвестно кто, но его смущает, что южные народы рано созревают сексуально. Валентина, которая присутствовала при монологе, спокойно заметила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/kir-bulychev/dom-v-londone>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)